

Американская история

Автор:

[Кристофер Прист](#)

Американская история

Кристофер Прист

Фантастика: классика и современность

В жизни независимого шотландского журналиста и телесценариста Бенджамина Мэтсона трагическое событие 11 сентября 2001 года оставило незаживающую рану – в одном из самолетов, врезавшихся в башни-близнецы, летела его невеста. Прошли годы, Мэтсон счастливо женат и занимается любимой работой, но тот давний кошмар по-прежнему не отпускает его, и Мэтсон начинает собственное расследование, то и дело натываясь на противоречащие друг другу факты, вопиющее манипулирование общественным мнением. Научное интервью с русским математиком, работающим на частную компанию, и странная находка в заливе Делавэр только подливают масла в огонь его гнева.

Кристофер Прист

Американская история

Посвящается Дону Гринбергу

В тех редких случаях, когда историческое событие, особенно событие травмирующее, вызывает огромный шквал эмоций, затрагивает многие миллионы людей, оно проникает в массовую культуру. У огромного количества людей вскоре формируются представления о том, что произошло и почему, создавая исторический нарратив. Значение этих представлений трудно

переоценить. Люди вновь и вновь будут пытаться разобраться в событиях, которые плохо вписываются в их предыдущее понимание того, как устроен мир.

Филип Зеликов

Серия «Фантастика: классика и современность»

Christopher Priest

AN AMERICAN STORY

Перевод с английского Т. Бушуевой, А. Бушуева

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Intercontinental Literary Agency Ltd.

© Christopher Priest, 2018

© Перевод. Т. Бушуева, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава первая

Тогда: 2000 г.

Нью-Йорк – история

– Вот история, – сказала она мне. – Вероятно, это не то, чего ты ожидал. Хочешь, я тебе ее прочитаю?

Она держала информационный листок, который только что извлекла из своего почтового ящика в вестибюле многоквартирного дома. Отправлен он был из офиса общества сохранения исторического наследия в Эдинбурге, Шотландия.

– Давай, – сказал я.

Я все еще пил свою первую чашку кофе. Для любых историй было еще слишком рано, но Лил сидела напротив меня с довольным видом и явно желала, чтобы я ее выслушал.

– Я опущу то, что не кажется интересным. Вот что тут говорится: «Здание было построено как викторианский дом в 1855 году для человека по имени Джон Смит». Неужели его так и звали? Джон Смит? Это ведь как Джон Доу, тебе не кажется?

«Дом тогда назывался Суонстонхилл. К нему прилегалo обширное поместье, включавшее леса и луга, а сам он стоял на возвышенности с видом на деревню Порт-Баннатин на острове Бьют. Оттуда открывался панорамный вид на север, на так называемый Кайлс, узкую полосу моря, отделяющую остров от полуострова Коуэл».

Мы находились в тысячах миль от Шотландии, сидя в ее уютно неопрятной квартирке на тринадцатом этаже 104-й Ист-стрит в Нью-Йорке. Единственное окно в комнате выходило на другие окна на той же высоте в многоквартирном доме напротив. Солнце заглядывало в ее комнату лишь раз в день, около пяти часов пополудни, примерно на двадцать минут.

– «В начале 1870-х годов в западной части поместья был обнаружен природный источник. Вода была богата минералами и целебными солями».

Она взгляделась в небольшую карту, включенную в текст, и продолжила с жуткой имитацией английского акцента, который почти сразу же сменила на еще более жуткий шотландский:

– «Начались строительные работы по возведению к первоначальному зданию огромной пристройки, протянувшейся вдоль возвышенности в западном направлении.

Были добавлены флигели, в частности один в западном конце, который был построен как павильон для источника. В тот период водные отели были весьма популярны по всей Европе. Богачи стекались отовсюду, чтобы освежить телесную энергию и обрести всестороннее душевное здоровье, пили воду или купались в ней».

Она быстро подняла страницу и показала мне снимок – черно-белую, слегка не в фокусе, репродукцию старинной открытки. На ней был виден ряд небольших коттеджей, выстроившихся на длинном склоне холма. Здание, о котором она говорила, маячило на холме позади них – типичный викторианский особняк, с острыми крышами, коньками и шпилями, с витражными окнами. Повсюду росли деревья.

– «Новая пристройка к зданию, – продолжила она, отказавшись от дурацких фальшивых акцентов, – включала бювет, бассейн для водных процедур, парные бани, а также зоны для физических упражнений и массажа. Центральная часть пристройки была возведена как роскошный отель на восемьдесят восемь номеров со множеством салонов и гостиных. Все главные спальни выходили окнами на север – комнаты поменьше были расположены в дальней части отеля. В них размещалась прислуга гостей». – Лил опустила газетный лист. – Вы, британцы, все еще берете с собой в отпуск свою прислугу?

– Раньше – да, – сказал я. – Но я был вынужден уволить большую часть своей. Сейчас у меня всего пара лакеев и горничная. И, конечно же, повар.

Она между тем продолжила:

– «В июне 1879 года здание вновь открылось под названием «Кайлская водолечебница». Вскоре она уже успешно функционировала, став роскошным курортом для фабрикантов, знаменитых юристов, преуспевающих розничных

торговцев и прочих толстосумов из процветающего промышленного пояса Центральной Шотландии, а также привлекала важных гостей из Англии и некоторых стран Европы». Почему мне не нравятся все эти люди?

– Не обязательно, чтобы они тебе нравились, – ответил я. – Теперь они все мертвы.

– «В свободное от водных процедур время гостям курорта были доступны разнообразные развлечения. Здесь имелись теннисные корты, лужайка для игры в крокет, поле для гольфа на девять лунок, бассейн и обширные сады. Гостям также предлагались пешие прогулки и катание на пони по дикой местности во внутренней части острова. За кухню отвечали лучшие повара Европы, а обслуживание прочего в остальной части отеля неизменно удостоивалось высочайшей оценки».

Окей, дальше становится еще интереснее. «Водная лечебница функционировала до начала Первой мировой войны, когда была вынуждена закрыться. Она вновь открылась после войны, но уже в более скромных масштабах. Хотя минеральные источники оставались доступны, отель теперь функционировал в более привычном современном стиле.

С началом в 1939 году Второй мировой войны отель вновь пришлось закрыть. Он был реквизирован Королевским военно-морским флотом, и здание стало официально называться «Корабль Королевского ВМФ «Варбель»». Они превратили гостиницу в корабль?

– Так принято в ВМФ, – сказал я. – Они называют свои наземные сооружения как корабли.

– «Базируясь в «Варбеле», солдаты Королевского ВМФ на протяжении всей войны служили доблестно и храбро. В основном они управляли мини-субмаринами и двухместными торпедами. Их самым громким успехом были атаки на немецкий линкор «Тирпиц» в Альта-фьорде в Норвегии».

Она перевернула лист и, пропустив несколько строк, продолжила:

– «В конце войны флот вернул здание отеля законным владельцам. Военные оставили его в безупречном состоянии, чистым и неповрежденным, но по

причине почтенного возраста здания и того факта, что во время войны было невозможно провести его ремонт, водолечебница стала непригодна для использования в качестве отеля. Стоимость ремонтных работ была так высока, что здание не использовалось. Таково его нынешнее состояние. Оно все еще на своем прежнем месте, но никем не используется». Превосходно! Мы можем им воспользоваться!

– Что в этом превосходного? И как ты получила эту информацию?

– Я запросила ее и получила ответ. Мы ищем жуткое старое место для проведения конвента в следующем году. Мы думали, что шотландский замок был бы идеальным вариантом, но это звучит даже круче.

– О да, – согласился я.

Ее звали Лил, и я был влюблен в нее. Ей было чуть за тридцать, она работала в крупной издательской корпорации в Нью-Йорке, но иногда ей хотелось как следует оттянуться, и тогда она и ее друзья из издательской тусовки проводили длинные выходные на разного рода конвентах. Я прекрасно знал, какие конвенты она обожает посещать. Она хотела, чтобы я составил ей компанию на следующем.

Увы, этому не суждено было случиться – меньше чем через год Лил не станет.

Глава вторая

Сейчас

Двое людей, которых я знал

Внезапно на меня нахлынули воспоминания о двух людях, которых я когда-то знал. Одно – с периферии моей жизни, другое – из глубин моего сердца. Между

ними не наблюдалось прямой связи, по крайней мере, таковая была мне неизвестна. Просто я знал их обоих, но известие о том, что один из них умер, необъяснимо напомнило мне о смерти другого.

Я проснулся с чувством умиротворения. Я был в своей постели один – моя спутница жизни Жанна в отъезде, и ее не будет еще три дня. В доме в кои-то веки царил тишина – Жанна взяла с собой двух наших маленьких сыновей. Отсутствовал обычный фоновый домашний хаос, возникавший всякий раз, когда мальчишек заставляли вставать с постели и уговаривали одеться. Это был вечный стук тарелок во время завтрака, метания по дому в поисках забытых вещей, крики – и так продолжалось до тех пор, пока наконец двери не захлопывались.

Когда Жанна уезжала, я спал с незадернутыми шторами ради вида на залив. Жанна жаловалась, что утренний свет будил ее слишком рано, я же любил перевернуться на бок и смотреть на спокойные воды, где к материку, пыхтя, шел первый паром. Этим утром светило солнце, и по ту сторону залива горы Аргайла возвышались темно-зелеными громадами.

Радио всю ночь было включено на малую громкость, но я увеличил ее, чтобы послушать новости.

Где-то в середине выпуска диктор сообщил о смерти Кирилла Алексеевича Татарова, математика российского происхождения. Это известие неожиданно тронуло меня. Хотя я встречался с Татаровым всего пару раз, это был великий человек, и моя встреча с ним состоялась в то время, когда на это было практически невозможно рассчитывать. Это был сложный, противоречивый человек, умный вне шкалы человеческого разума, ибо для его типа ума такой шкалы не существовало, но в то же время странный и, как все гении, не чуждый человеческих слабостей. Дважды он проявил по отношению ко мне маленькую и непрошеную доброту.

Думая о нем, я ждал, когда за заголовком последует вся история. Включился репортер и хорошим слогом, очень точно поведал о Татарове: блестящий теоретик, геометр и тополог, лауреат Филдсовской медали и премии Института Клэя, родился в Советском Союзе в 1932 году, но еще маленьким ребенком был вынужден с семьей покинуть СССР и переехать в США. Его отец служил статистиком, мать работала учительницей в школе. Большую часть своей взрослой жизни Татаров проработал в американском университете. Его

уникальная карьера и достижения в значительной степени оставались почти не известны за пределами закрытого интеллектуального мирка, в котором он добился немалых успехов.

Разумеется, было упомянуто и сенсационное, необъяснимое исчезновение Татарова в 2006 году. Это было нечто совершенно для него не характерное и одно из немногих событий его жизни, которые стали известны всему миру. В то время эту загадку освещали средства массовой информации по обе стороны Атлантики. Многие из выдвинутых версий его исчезновения были непристойными и неуместными: слухи о роковой женщине, обмен секретами с бывшим агентом КГБ, заговор с целью его похищения и вывоза обратно в Россию и так далее. Ничто из этого не было правдой, но его исчезновение так и не получило своего объяснения.

Тревогу подняли, когда однажды он не явился на семинар в Курантовском институте математических наук в Нью-Йорке. Он ничего не говорил ни о каких планах путешествий, его университетская квартира была заперта, он не оставил никаких записок или объяснений. Из-за политических потрясений в тогдашней России ходили слухи, что он похищен КГБ или ФСБ. Из Москвы не поступило никаких опровержений, что какое-то время поддерживало версию его похищения, но, с другой стороны, его не выставили напоказ перед прессой как перебежчика с Запада. Если это и произошло, то время для этого было выбрано странное, спустя годы после распада Советского Союза. Как будто с тем, чтобы все окончательно запутать, ФБР обнародовало купленный через компьютер авиабилет на рейс в день его исчезновения. В билете было указано, что Татаров вылетел из аэропорта Джона Кеннеди в Нью-Йорке в лондонский аэропорт Хитроу с последующим рейсом в Глазго. Эта часть загадки так и не была окончательно раскрыта, хотя репортер «Нью-Йорк таймс» позже проследил код билета до другого пассажира, купившего билет на тот же рейс. Этот человек никак не был связан с Татаровым, но в тот день он не явился в аэропорт.

Через несколько недель Татаров тихо вновь появился в Курантовском институте, ничего не сказав и ничего не объяснив, и вернулся к своей работе.

Вскоре после этого инцидента был снят художественный фильм. Фильм был так себе, слабенький. О нем вскоре забыли, но главная роль в нем предназначалась знаменитому актеру, и поэтому фильм принес мне дополнительные деньги. Поскольку я написал сценарий, на мне лежала частичная ответственность за то, что фильм получился откровенно слабым. До этого я никогда не работал для

кино и с тех пор больше ни разу не писал ничего подобного. Меня наняли для написания сценария потому, что я опубликовал в журнале несколько статей о Татарове, которые составляли почти всю известную о нем на тот момент информацию. Продюсер не должен был знать, а я хотел, чтобы он никогда не узнал, что мне известна истинная история исчезновения Татарова. Однако я был связан обещанием хранить молчание.

Я познакомился с Кириллом Татаровым на встрече, которая длилась меньше часа, однажды днем, когда он согласился дать мне интервью. Было это в 1996 году. Я был тогда молодым журналистом, а Татаров – штатным профессором Института Куранта в Нью-Йорке, представительным мужчиной за шестьдесят.

Встреча оказалась непростой – как можно подготовиться к беседе с гением? Я облажался. Он полагал, что я знаю математику лучше, чем то было на самом деле. Его манера речи была весьма пространной и изобиловала упоминаниями о вещах, о которых я не имел ни малейшего понятия. Он говорил быстро, откинувшись на спинку стула, закрыв или полузакрыв глаза. Поток слов неудержимо лился в течение нескольких минут, а затем резко, без предупреждения иссяк. Татаров ожидал, что я тотчас же задам свой следующий вопрос. Он был поглощен доказательством того, что принято называть гипотезой Пелерена, топологической теории узлов, которая оставалась недоказанной с тех пор, как в начале двадцатого века ее постулировал великий французский математик Жан-Луи Пелерен.

Я же был не математик, а журналист, внештатный сотрудник научно-популярного журнала. Перед интервью я в меру моих скромных талантов попытался изучить гипотезу, но был плохо подготовлен, чтобы общаться с Татаровым на каком-либо серьезном уровне. Гипотеза Пелерена была загадкой внутри научной дисциплины, которая сама по себе была глубочайшей загадкой для большинства людей. Профессор Татаров, надо отдать ему должное, быстро это почувствовал и по-своему пытался упростить и объяснить то, что он говорил, но его собственный путь был слишком далек от моего. В конце интервью он предложил мне несколько заметок, написанных одним из его учеников, в надежде на то, что они смогут прояснить суть задачи. Я ушел из Института Куранта пристыженный и обескураженный, но при этом испытывал к профессору Татарову определенную симпатию.

Впоследствии мне удалось достаточно точно расшифровать запись того, что сказал Татаров, чтобы интервью имело смысл, смысл, возможно, чересчур

упрощенный для других математиков, зато понятный рядовому читателю. После выхода материала сам профессор Татаров не жаловался на ошибки, но, судя по ряду язвительных комментариев, сделанных им в ходе интервью о журнале, в котором я работал, я предположил, что, вероятно, он просто не прочел статью. Тем не менее благодаря этому интервью моя карьера научного корреспондента получила некоторый вотум доверия, и несколько недель спустя общенациональный журнал предложил мне контракт на постоянную работу. Этим я был обязан профессору Татарову.

В кратком радионекрологе также упоминался еще один случай, когда Татаров привлек внимание широкой публики. Он был номинирован на медаль Филдса и пытался отказаться от нее, но после уговоров и давления со стороны коллег передумал и принял награду. Примерно через год он выиграл премию Клэя и вновь попытался отказаться от награды, но снова уступил дружеским уговорам коллег. Позже ходили слухи, что он был в числе номинантов на Нобелевскую премию, хотя отдельной Нобелевской премии для математиков нет. У него также взяли телеинтервью.

Первые вопросы были о его исчезновении в 2006 году, но он не стал на них отвечать. Его спросили, почему он все время отказывался от самых престижных наград на своем академическом поприще. Его засыпали вопросами, примет ли он Нобелевскую премию, если вдруг ее ему присудят.

Профессора Татарова взбесили настойчивые расспросы, и ответы его стали расплывчатыми и бессвязными. Его внешний вид – всклокоченные волосы, голубые навывкате глаза, лохматые брови, кривые зубы, побагровевшее лицо – на короткое время сделали из него архетип этакого ученого-затворника. Из-за своего поведения он казался взбалмошным, гениальным, загадочным, чудовищным, слегка безумным.

Интервью пришлось прервать, но почти сразу после этого оно стало вирусным в Интернете. Именно там я его и посмотрел, и мне стало жаль Татарова. Он был не от мира сего – узкий специалист, озабоченный множеством сложных идей и концепций и совершенно не приспособленный для того, чтобы парировать легкомысленные остроты телеведущего.

Таков был только что скончавшийся Кирилл Татаров. Ему было чуть больше девяноста.

Другая

Но была и другая. Почему смерть Татарова в столь преклонном возрасте вновь напомнила мне о Лил, Лилиан Виклунд, стало не сразу понятно. Два абсолютно разных человека, их смерти теперь разделяли более двух десятилетий, и в моем сердце и памяти они занимали совершенно разные уголки. В конце выпуска новостей я выключил радио и продолжал лежать в постели, охваченный воспоминаниями о Лил, отгоняя мысли о Татарове.

Я не думал о Лил в течение долгого времени, по меньшей мере в течение многих месяцев, но на момент ее смерти я был глубоко опечален.

Она была моей девушкой, и она умерла. Я потерял близкого человека, но преодолел себя и построил жизнь без нее. Сказать об этом так холодно – вернейший способ описать то, что произошло, но на самом деле все, что связано с ее смертью, травмировало и сильно потрясло меня. Лил была моей возлюбленной, моим другом, моим близким человеком, и до того дня, как ее не стало, я предполагал, что она будет и моим будущим. Но ее отняли у меня, отняли грубо и жестоко.

После ее смерти прошли годы. Шок от известия и горечь утраты ослабевали, но как медленно, как мучительно медленно! Постепенно я стал меньше думать о ней. Я учился жить без нее. Когда вашу возлюбленную убивают в таком молодом возрасте... я подозреваю, что полностью исцелиться невозможно. Вы не можете полностью забыть все, не можете отбросить бесконечно малую крупичку надежды. Потому что, хотя мне в конце концов удалось похоронить мои чувства ужасной утраты, горя и одиночества, мне не было дано успокоения правды. Я знал, что она мертва, знал, что ее убили, но у меня не было доказательств. Виновные в ее смерти не предстали перед судом, ее тело так и не было найдено. Это крошечное, щемящее душу зернышко надежды осталось.

Через несколько лет после убийства Лил я встретил Жанну, и вскоре она стала моей спутницей жизни.

Не будучи официально мужем и женой, мы с Жанной жили вместе уже много лет и воспитывали двух сыновей, Сета и Луи, оба школьного возраста. И она, и я

строили каждый свою карьеру в контексте шумной и счастливой семейной жизни. Как и у любой прожившей не один год семейной пары, у нас было много общего – дом, праздники, книги, картины, музыка, воспоминания и прежде всего дети.

Лили Виклунд и мой недолгий роман с ней уходили еще дальше в мое личное прошлое. Я никогда не мог полностью забыть Лил, но под влиянием счастливой семейной жизни и с каждым поворотом колеса прожитых мною лет, она все больше становилась человеком из прошлого.

Тем не менее я прекрасно помнил, как она выглядела, и где-то в моем кабинете хранились десятки ее фотографий, спрятанных в старой коробке. Я так и не смог забыть ее голос, ее американский акцент, ее осанку, ее походку, то, как она одевалась, те политические проблемы, которые ее раздражали, страстность ее убеждений и, как ни странно, ее любовь к пустякам, старым телепрограммам и самодельным украшениям. Она была утонченной и сложной женщиной, переменчивой в своем настроении, порой взбалмошной и непредсказуемой, но всегда верной и любящей. И, конечно же, ее внезапная смерть от рук других, когда она была еще такой молодой, наложила на все воспоминания о ней навязчивый, болезненный отпечаток.

Паромы и острова

Мы с Жанной жили на маленьком острове во внутреннем море, заливе Ферт-оф-Клайд. Остров назывался Бьют, или, в его гэльском написании, Эйлин Бхойд. Единственный городок на острове, ранее именовавшийся Ротсей, вернул себе гэльское название: Байле Бхойд. После принятия Шотландией односторонней Декларации Независимости многие западные острова и небольшие поселения в Хайленде решили вернуть себе гэльские названия – своего рода реакция простого люда против технократического и навязчиво современного индустриального общества, менявшего страну до неузнаваемости. После короткого, но трудного переходного периода Шотландия присоединилась к ЕС в качестве отдельной страны. Старый вынужденный союз с Англией в ущерб интересам шотландцев закончился.

Для нас с Жанной это был лучший из всех вариантов: Жанна родилась в Эдинбурге, но большую часть взрослой жизни провела в Англии. Для нее это было возвращением домой. Я англичанин, родился в Лондоне, но мои дедушка и бабушка по материнской линии были шотландцами. Для меня это было исследование моего личного исторического наследия. Наша миграция на север означала, что мы могли воспитывать наших мальчиков как шотландцев, как полноправных европейцев. До сих пор этот план работал хорошо.

В то утро я был в доме один и мог позволить себе поваляться в постели дольше обычного.

Жанна взяла детей и поехала навестить свою мать, которая жила в Морнингсайде, районе Эдинбурга. Я позволил себе безобидную временную слабость – спать с включенным радио у кровати, не задергивая на ночь штор, чтобы утром наслаждаться солнечным светом, падавшим на воды залива, иногда засыпая, слушая музыку и всегда выключая ее, полностью проснувшись. Мне нравились приглушенные голоса в ночи, классическая музыка, сводки новостей со всего мира. Большую часть всего этого я не слышал, поскольку спал, но мне было приятно знать, что они звучат в моей спальне. Радио помогало мне побороть чувство одиночества, ослабить его. Когда Жанны и детей не было, дом казался слишком неподвижным, слишком наполненным тишиной.

Я скучал по Жанне всякий раз, когда она отправлялась в одну из таких поездок, но поскольку в прошлом году здоровье ее матери начало резко ухудшаться, они стали ее постоянной обязанностью. В настоящее время в нашей жизни поселилось подспудное осознание того, что Люсинда, мать Жанны, больше не должна жить одна, что ей, возможно, придется переехать в Бхойд, чтобы быть с нами.

Ночью два автомобильных парома, соединявших остров с материком, пришвартовались у пирса недалеко от окна нашей спальни. В шесть часов утра экипаж возвращал первый из них к механической жизни: где-то в глубине машинного отделения начал, утробно урча, вращаться стартер главного генератора судна. Иногда он будил меня, но я нередко просыпался и ожидал, когда же прозвучит этот сигнал. Вскоре после этого оживали рулевые двигатели. Паромы были оснащены гребными винтами для навигации в мелководных гаванях, и всякий раз, когда судно принимало пассажиров и транспортные средства, эти двигатели были повернуты, плотно прижимая корпус парома к стене причала. Они выпускали негромкий, но настойчивый

рокот, достигавший меня через воды гавани, словно этакое довольное урчание большого отдыхающего животного.

Генератор оживлял все устройства и приборы парома. Я представил себе, как он заряжает батареи, запускает насосы, пробуждает инструменты, загружает навигационные компьютеры, поворачивает антенны радара, посылает поток электроэнергии в салон и каюты, вентилирует автомобильную палубу и грузовые трюмы.

Первый паром на материк, согласно расписанию, отчаливал в шесть двадцать пять. К этому времени ожидающие автомобили и грузовики уже въехали по пандусу на автомобильную палубу. Пешие пассажиры в это же самое время поднимались по трапу, зигзагу из наклонных металлических настилов, повисшему над пустотой между паромным терминалом и верхним салоном корабля.

Темные силуэты этих людей двигались за полупрозрачными окнами, загадочно освещенные сверху. Это почти наверняка были люди, которых я знал или по крайней мере узнал бы, увидев их на улицах Байле Бхойда. Скоро и я буду, шаркая ногами, подниматься по тем же наклонным трапам, когда сяду на более поздний по времени паром.

Было приятно лежать в постели, чувствуя, как город медленно оживает, вновь думая о Лил, вспоминая ее не мертвой, а такой, какой она была при жизни. Расстояние во времени избавляло от чувства вины. Эти воспоминания были приятны, но над ними всегда маячило то, как она встретила свой конец.

Жанна знала о Лил. Она знала о наших близких отношениях, планах и надеждах, которые у нас были. Она знала, как погибла Лил, какое травмирующее воздействие ее смерть оказала на меня. Мы с Жанной влюбились друг в дружку с первых нескольких дней знакомства, и я никогда не смог бы скрывать от нее эти вещи. Она почти сразу почувствовала, что я таил что-то из прошлого. Мне хотелось избавиться от бремени, но в то же время я не хотел навязывать ей свои переживания и потому пытался держать все в себе. Но Жанна умеет вызывать доверие, и в конце концов я рассказал ей о Лил все, что мог. Я ничего не утаил: и то, что привлекло меня к ней, и наши планы, и проблемы, которые мы пытались преодолеть. Я старался быть объективным, спокойным, практичным, искренним, чутким к чувствам Жанны, старался не упиваться жалостью к себе. Неизбежно наступил выброс эмоций, который я подавлял, но больше не мог

контролировать. Жанна ничего не сказала, ничего не посоветовала, просто обняла меня и прижала к себе.

Но почему известие о смерти Татарова вызвало это воспоминание? Он прожил долгую и прекрасную жизнь – и умер два дня назад. Лил был тридцать один год, когда она умерла, и она наверняка прожила бы долгую или прекрасную жизнь, будь у нее выбор, но она умерла молодой, более двух десятилетий назад.

Пересечение границы

Мне нужно было сесть на восьмичасовой паром, поэтому я вскоре вылез из постели, принял душ, побрился, оделся, наскоро позавтракал сладкой булочкой, которую купил накануне вечером, и запил ее теплым растворимым кофе. Убедившись, что двери дома надежно заперты, я пешком преодолел небольшое расстояние до гавани и подошел к паромному терминалу.

Пока паром плавно двигался через залив, я позвонил Жанне в Эдинбург и подтвердил, что уезжаю, как и планировалось, и что не произошло ничего такого, что изменило бы мои планы. На следующий день я уже буду дома, раньше нее. Она дала трубку Сету, старшему из наших мальчиков.

Тот сказал, что хочет домой, бабушка больна и от этого у него депрессия. Его голос был еле слышен – я почувствовал, как он отворачивается, крепко прижимая телефон к уху. У него были школьные каникулы, и он, естественно, чувствовал, что теряет драгоценное свободное время. Затем трубку взяла Жанна и сообщила, что, вероятно, останется еще на ночь или даже на две. У Люсинды развился мучительный кашель, и она с трудом дышит. Через полтора часа, приехав на поезде из материкового паромного порта, я был в аэропорту Глазго, стоя в очереди с сотнями других людей, чтобы перейти английскую границу.

Подобные пограничные посты были в каждом шотландском аэропорту, откуда выполнялись рейсы на юг. Когда подошла моя очередь, я показал свой каледонский паспорт в надежде на то, что английский полицейский не заметит, что я родился к югу от границы, и задаст мне вопросы, которые мне не раз задавали на предыдущих рейсах. На этот раз он этого не сделал – за моей спиной тянулась огромная очередь других пассажиров. Пограничник медленно

просмотрел мои бумаги и наконец велел мне прикоснуться к сканеру отпечатков пальцев. Его речь изобиловала тягучими, нарочито йоркширскими гласными.

После того как мой отпечаток пальца был отсканирован, он несколько секунд, не моргая, смотрел на экран компьютера. Затем набрал какие-то буквы, или, может, слова, или код, и снова ждал ответа. Пока я там стоял, я слышал, как объявили мой рейс.

Затем я – технически – пересек границу Англии и покинул Шотландию, и здесь меня ждала вторая задержка. По вестибюлю был проложен лабиринт веревочных коридоров, заставляя очередь змеиться туда-сюда, и пассажиры раз за разом, шаркая ногами, проходили мимо друг друга.

Все казались напряженными. Наконец мы подошли к паспортному контролю и проверке посадочного талона, прошли через металлодетектор, подверглись личному досмотру, сканированию сетчатки глаза, прошли проверку личности по месту жительства, сняли куртки и обувь, а также ремни. Нашу ручную кладь взвесили и просветили рентгеном. Телефоны, ноутбуки и планшеты осмотрели или обыскали отдельно. На этот раз меня не попросили включить мой ноутбук, но я видел, как несколько других пассажиров нетерпеливо топтались возле своих компьютеров, пока на мониторах всплывали знакомые логотипы. Я поспешил к выходу на посадку, где одним из последних сел в самолет.

Вскоре после полудня я был в офисе интернет-журнала в Лондоне, где меня ввели в курс редакционных планов в отношении главной статьи в следующем выпуске. Эти встречи, некогда регулярно происходившие в офисе, теперь были довольно редкими. Ожидалось, что будут присутствовать все авторы, как штатные, так и внештатные. Вводная речь главного редактора породила легкую тревогу. По его словам, журнал испытывал нехватку рекламных доходов и новые увольнения неизбежны. Как внештатный сотрудник я был застрахован от угрозы увольнения, но я слишком хорошо знал: они могут сэкономить деньги, если больше не будут заказывать мне новые статьи.

Затем перешли к конкретике. Запланированную статью следует посвятить новым открытиям в области космологии и физики элементарных частиц, но ни то ни другое не было в числе моих любимым тем. Я изобразил внимание, хотя, если честно, мои мысли витали далеко.

– Итак, Бен, ты сделаешь это?

Поняв, что ко мне обратилась Миранда Хамид, редактор тематических статей, я обернулся.

– Извини, Миранда, что именно я сделаю?

– Подробный профиль Сэнди Беллоу. У нее в конце месяца начинается новый сезон. Мы должны его осветить. Мы еще ничего не писали о ее сериале.

– Хорошо, – сказал я.

Окей, достаточно мягкий вариант, такую статью я мог бы накопать менее чем за день. Однако я подумал, что мне лучше не говорить, насколько негативно я относился к работе мисс Беллоу на телевидении, и почти не участвовал в последующем обсуждении. Нам уже предоставили поэтапный синопсис всего сезона. Я не горел желанием брать у нее интервью. И лишь тихо, с облегчением вздохнул, когда у присутствующих за столом медленно сформировалось иное мнение. Кто-то сказал, что о мисс Беллоу слишком часто пишут в других средствах массовой информации, что ей уделяется незаслуженно большое внимание. Она же как телеведущая редко демонстрирует глубокое понимание тематики своих программ.

Хотя я согласился с этим, однако решил, что это несправедливо, поэтому довольно неуверенно встал на защиту мисс Беллоу – я был не единственным научным журналистом, который порой чувствовал себя не в своей тарелке, когда брался за определенные темы. Я знал из социальных сетей, что это умная и хорошо образованная женщина, которую, вероятно, недооценивают из-за среды, в которой она работала, и уровня аудитории, которой адресовались ее программы. Но вскоре идея ее профиля была отброшена, и я не стал за нее цепляться. Тем более что начали высказываться другие идеи.

Миранда вспомнила, что я как-то раз брал интервью у Кирилла Татарова, и спросила меня, есть ли у меня на заметке что-то, что я хотел бы написать о нем сейчас. Я сказал «нет». Она сказала, что они уже разместили в Интернете стандартный некролог, но ей казалось, что, возможно, стоит добавить что-то подлиннее. Я снова сказал твердое «нет», и через мгновение мы перешли к следующей теме.

Ближе к концу совещания мне был предложен другой проект. Что означало бы поездку в Париж на следующей неделе. Я вспомнил, что к тому времени Жанна и мальчики вернутся домой – а тут эта поездка! Но, подумав, согласился. Между Глазго и Парижем ежедневно выполнялось несколько прямых рейсов. Я, пожалуй, смог бы слетать в Париж только с одной ночевкой. Но тут кто-то другой вызвался написать этот материал вместо меня, некий новый автор по имени Карл Уилсон. Мы обсудили его предложение, но в конце концов все согласились, что лучше это сделаю я. У меня гора свалилась с плеч – во время совещания я отказался от многих других предложений.

Таков уж мой рабочий день... После совещания я пошел выпить с Карлом Уилсоном и двумя штатными авторами, а затем поехал на метро в Саутварк, расположенный на противоположном берегу Темзы.

К тому времени было уже слишком поздно для обратного рейса в Глазго, тем более того, что свяжет меня с островным паромом. Я по опыту знал, что при перелетах между Англией и Шотландией мой рейс всегда может быть задержан и я застряну в аэропорту. В прошлом месяце я пару раз пропустил последний паром. В последнее время, бывая в Лондоне с ночевкой, я стал спать в двухкомнатной квартире, принадлежащей управляющей компании журнала. Это было далеко не идеальный вариант, поскольку другие люди, работавшие в той или иной компании медиагруппы, могли ночевать там же, так что никаких гарантий чистых постельных принадлежностей или съестных припасов в холодильнике не было. Крохотная, довольно убогая квартирка на первом этаже дома рядом с дорогой, и большую часть ночи в старые окна проникал шум уличного движения. С каждым разом, как я туда приезжал, это место становилось все неуютнее и неприветливее. Зато оно было бесплатно.

Как оказалось, в квартире уже остановилась женщина с одного из принадлежащих компании видеоканалов, и хотя ее не было, когда я туда приехал, она уже застолбила единственную кровать. Нечто подобное происходило часто – с использованием квартиры вечно возникали какие-то накладки. Я подумал, не перебраться ли мне на ночь в отель, но затем решил остаться во избежание дополнительных расходов.

Там был диван, а в одном из шкафов я хранил спальник. Мне уже доводилось пользоваться и тем и другим раньше.

Придя в квартиру, я снова позвонил Жанне, а потом пошел поужинать. Перед тем как покинуть Бхойд, я забыл поменять часть моих евро на фунты, и потому знал, что английский банк добавит к моей кредитной карте гигантскую комиссию за конвертацию валюты.

В тот день я слишком долго был один. Слишком много разъездов, слишком много задержек, слишком много самоанализа во время совещания, а тут еще и вечер, который предстояло провести в негостеприимном месте. По идее, мне полагалось быть дома с семьей или вечерком договориться о встрече с коллегами или друзьями. Вместо этого я бесцельно бродил по лондонским улицам вокруг квартиры, ощущая себя таким инородным телом. Многие магазины были заколочены, а в некоторых особняках и многоквартирных домах, мимо которых я проходил, имелись ворота с видеокамерами. Мимо меня медленно проехала полицейская машина: тяжелый внедорожник с противоударными щитками на основных лобовых стеклах и мощными прожекторами на крыше. На боку виднелась сделанная крупными буквами надпись «Иммиграционная консультативная служба», а также номер бесплатной горячей линии для людей, желающих сообщить о незаконных обитателях.

Повсюду были знаки, которые я понимал, но не узнавал, и в целом возникало ощущение, которое меня дезориентировало. Так случалось всегда, когда я бывал в столице, и с каждым разом становилось еще чуть хуже. Меня преследовало неприятное ощущение, что я больше не говорю на этом языке, казалось, будто я нахожусь за границей. Я был коренным лондонцем, я родился в Кентиш-Тауне, но Лондон начинал восприниматься как столица иностранного государства.

Настроение было мерзкое. Я все еще вспоминал Лил. Я хотел вернуться на свой остров у шотландского побережья, ожидая увидеть Жанну и детей, любясь через спокойные воды залива на крутые холмы и вересковые пустоши полуострова Коуэл.

Когда я вернулся в квартиру, женщина, которая там остановилась, уже ушла в спальню и закрыла за собой дверь. Она оставила телевизор включенным, поэтому я открыл банку пива и сидел на диване, пока не начались новости.

О смерти Кирилла Татарова больше не сообщалось. Основным сюжетом шли новости из США, и то, что я услышал, внезапно начало прояснять то, что не давало мне покоя весь день.

Обломки

Таков был заголовок, и репортеры уже прибыли на место. В Атлантике, примерно в ста милях от побережья Делавэра, были обнаружены останки разбившегося самолета. Обломки покоились на большой глубине. Два или три фрагмента, уже поднятых на поверхность, были идентифицированы как принадлежащие большому реактивному лайнеру. Обломков с серийными номерами пока еще обнаружено не было, и никаких надписей не было видно. Кто знает, какой марки самолет, какой авиакомпанией он эксплуатировался, был ли это гражданский самолет или военный и какой стране он мог принадлежать.

Далее в выпуске сообщались другие текущие новости, но завершил его специальный новостной репортаж с места крушения в Атлантике.

Вокруг этой находки ощущалась аура секретности и напряженности. Репортеры отмечали, что властям, вероятно, известно больше, чем те готовы признать. Обломки были обнаружены кораблем ВМС США более недели назад, и лишь после того, как у гражданской компании по бурению нефтяных скважин была реквизирована тяжелая грузоподъемная баржа, история просочилась в прессу и ее представители поспешили в район поисков. Когда же репортеры и съемочные группы, зафрахтовав множество лодок, прибыли на место, этот участок моря уже был оцеплен береговой охраной США. Более того, туда направилось несколько крупных кораблей ВМС США. Место крушения находилось в зоне регулярных трансатлантических маршрутов, и регулярные рейсы были перенаправлены севернее или южнее.

Один из репортеров, работавший на независимом кабельном канале в Бостоне, заявил на камеру, что поиски контролируют ЦРУ и Агентство национальной безопасности. Это заявление немедленно опроверг представитель Национального совета по безопасности на транспорте, органа, отвечающего за расследование всех происшествий с гражданскими самолетами в США. Разбившийся самолет, мол, был коммерческим. Между тем ни одна из крупных авиакомпаний, летавших по атлантическому маршруту, не знала о пропавшем без вести самолете, равно как не было никаких необъяснимых исчезновений в прошлом.

После смерти Лил от рук террористов у меня возник навязчивый интерес к авиакатастрофам. При малейшем подозрении причастности террористов к происшествию меня неизменно охватывал тошнотворный ужас, горе, страх, болезненное любопытство, а если факт терроризма подтверждался, то гнев и досада. Я ничего не мог с этим поделать. За себя я не боялся – я летал регулярно. Но когда кто-то, кого вы любите, погибает в угнанном самолете, любое серьезное воздушное происшествие вызывает целый комплекс чувств и эмоций.

Я прошелся по каналам в поисках других выпусков новостей, надеясь получить больше информации, но пока большая часть репортажей, которые я сумел найти, носили спекулятивный характер. Шли разговоры о попытках найти черный ящик, регистратор полетных данных, хотя для меня, как и для профессионалов в области авиастроения, было очевидно: если обломки так долго находились в морской воде на большой глубине, как то предполагалось, то данных, поддающихся расшифровке, там не останется.

Из одного из репортажей я узнал, что СМИ стало известно об открытии, сделанном накануне вечером по восточному времени. То есть в ранние утренние часы по шотландскому. Поэтому в новостных передачах об этом упоминалось весь день, но, поскольку я был в пути, я ничего о них не знал. Сидя на неудобном старом диване, потягивая пиво из банки, я постепенно осознал, что этот инцидент наверняка упоминался в той же сводке, что и по радио, когда я проснулся. Поскольку я был поглощен внезапно пришедшими мыслями о Татарове, то, вероятно, воспринял эту информацию подсознательно. Это могло бы объяснить, почему мои мысли необъяснимым образом кружились и вокруг Татарова, и вокруг Лил.

– Вы собираетесь смотреть это всю ночь?

Услышав женский голос, я вздрогнул и удивленно обернулся. Она вошла в комнату и встала за диваном. В полумраке я едва смог различить ее силуэт. Высокая и угловатая, она завернулась не то в халат, не то в одеяло. На шее у нее болтались наушники.

– Вы оставили его включенным, – сказал я. – Я просто смотрел новости.

– Я оставила его включенным, потому что забыла выключить. Вы уже полчаса переключаете каналы. Я не могу уснуть из-за этого шума.

– Извините. Я не знал, что вы это слышите.

– Даже через них, – сказала она, указав на наушники. Она наклонилась вперед, глядя на экран. – Они уже опознали самолет?

– Не думаю.

Она сделала несколько шагов и села перед телевизором на ковер.

– Этот сюжет передавали по каналам агентства весь день, – сказала она. – Мы следили за ним в офисе. Все началось с обнаружения самолета, но теперь речь идет о доступе к обломкам, о том, чей это был самолет и кто должен взять на себя расследование. Они пока этого не сказали, но это наверняка американский самолет.

– Откуда вам это известно?

– Потому что в этом замешано ЦРУ. Береговая охрана, флот, люди из службы внутренней безопасности. Они бы не слетелись туда, если бы думали, что это кто-то другой. Очевидно, они что-то знают об этом, чего не хотят разглашать.

– То есть это мог быть военный самолет? На его борту было оружие? Какое-то ядерное устройство?

– Сначала мы так и подумали, но потом один из парней из Национального совета по безопасности на транспорте, у которых Си-эн-эн брал интервью, заявил, будто найден гражданский авиалайнер. Он вернулся через несколько минут, чтобы уточнить свое сообщение. По его словам, они все еще не уверены и не могут ничего подтвердить относительно этого самолета. Нам показалось, что ему просто велели держать язык за зубами.

Она посидела еще несколько минут, глядя на экран. Потом трансляция закончилась, и она снова поднялась на ноги.

– Сейчас выключу, – сказал я.

– Спасибо. Я вас знаю, не так ли? Вы Бен Мэтсон.

– Да.

Мы вежливо кивнули друг другу.

– Я Джей Хьюм, – сказала она. – Работаю в видеокомпании EсоMo. Та же группа, то же здание, на два или три этажа ниже вашего офиса.

Я не помнил, чтобы видел ее раньше, но в комнате горела только тусклая настольная лампа, и с того места, где я сидел, эта женщина была лишь темным силуэтом. В медиагруппе работало много народа. Я не знал их всех.

– Это не мой офис, – сказал я. – Я лишь изредка бываю там. Я работаю на них лишь время от времени.

– Вы редактор?

– Автор. Журналист-фрилансер. У меня с ними контракт, но работаю я на себя.

– А я в производственном отделе. – Она попятилась к двери. – Ладно, я иду спать. До завтра.

Она надела наушники и закрыла дверь. Если она и сказала что-то еще, я не слышал.

– Спокойной ночи, – тихо сказал я закрытой двери.

Найдя в шкафу, где и рассчитывал найти, свой спальный мешок, я разложил его на диване. На кухне я почистил зубы, затем снял брюки и рубашку и начал залезать в мешок.

Дверь внезапно открылась снова. Джей все еще была завернута не то в одеяло, не то в полотенце.

– Послушайте, Бен, мне неловко, что я захватила спальню. Я не такая высокая, как вы. Я бы лучше устроилась на диване – не хотите поменяться со мной?

– Нет уж, вы заняли кровать первой. Я не против.

– Я сама как-то раз спала на этом диване. Он твердый и комковатый.

– Это всего лишь одна ночь, – сказал я. – Ничего со мной не случится.

– Тогда... – Она осталась стоять в дверном проеме. – Может, вы?.. В смысле, здесь большая кровать. Если хотите зайти и...

– Нет, Джей, спасибо.

– Это не то, о чем вы могли подумать.

– Я ни о чем не думал. Еще раз спасибо, но нет. Без обид.

– Абсолютно никаких.

Она ушла рано утром, прежде чем я проснулся.

Глава третья

Тогда: 2000–2001 г.

Лили Виклунд и я

Вот что случилось со мной и Лил.

Лил родилась в Америке, на Среднем Западе. У нее были две сестры и брат. Отец – владелец прибыльной компании по продаже автозапчастей, мать – учительница в средней школе. Одна из сестер Лил была ее близнецом, но не двойняшкой. Лил поступила в Мичиганский университет в Энн-Арборе, а после его окончания уехала в поисках работы на восток. Она регулярно приезжала домой, навещая свою семью. В Нью-Йорке она какое-то время была стажером в рекламном агентстве, затем работала на телевидении, но к тому времени, когда я ее встретил, уже несколько лет трудилась в издательском бизнесе и была менеджером по рекламе в одной из крупных нью-йоркских фирм. Она была успешным и высокооплачиваемым специалистом, но вскоре после того, как мы познакомились, я понял, что создаваемый ею имидж – всего лишь роль, неизменно исполняемая на рабочем месте, которую она выбрала для себя. Ей нравилось зарабатывать деньги, и ей нравился образ жизни, который они ей позволяли вести. Она сказала, что у нее хорошо получается то, что она делает, и она любит это делать, но в нерабочее время она сбрасывает маску.

В тот вечер, когда я познакомился с ней, я был на мероприятии, посвященном презентации книги, которую собиралась издать ее компания. Я уже не вспомню, как и почему оказался там – возможно, кто-то вручил мне приглашение, которым сам не хотел воспользоваться. Я был в Нью-Йорке один, выполнял письменное задание. Мне было поручено подготовить материал о некоторых влиятельных боссах IT-индустрии Нью-Йорка. Дело было денежное, но чертовски скучное, и по вечерам я маялся бездельем, не зная, чем заняться. Вечеринка в издательстве по случаю презентации книги – это лучше, нежели очередной долгий вечер в одиночестве в гостиничном номере.

Если честно, когда я встретил Лил, я вообще не нашел ее привлекательной: она играла свою роль, играла хорошо и казалась суперэффективной в механическом, корпоративном смысле. Я знал, что это всего лишь фасад, но все равно находил его малопривлекательным.

Когда она подошла ко мне, я держался холодно, и она отреагировала соответственно. Это было плохое начало. Она подошла ко мне, явно не зная, кто я и зачем я здесь.

Она держала экземпляр книги, которую они рекламировали – недавно проиндексированное и академически аннотированное издание «Дракулы» Брэма Стокера. Редактор книги, который, разумеется, присутствовал на мероприятии, был известным профессором английской литературы из какого-то университета

на Среднем Западе. Лил произнесла явно отрепетированную речь, вручила мне пресс-кит – комплект материалов для прессы – и спросила, где я буду рецензировать книгу. Прежде чем я смог ответить, она предложила мне получить заказ на эксклюзивный обзор и связаться с ее офисом за разрешением опубликовать репродукцию обложки. К пресс-киту прилагалась ее визитка. Я был ошеломлен ее напористостью.

Обработав меня, она, очевидно, собралась двинуться дальше, чтобы найти другой, более податливый объект для рекламы, но что-то заставило меня попытаться пробить или по крайней мере слегка повредить твердую оболочку ее профессионального фасада. Во время нашей короткой светской беседы я полусерьезно упомянул, что несколькими годами ранее жил какое-то время в Пурфлите. Я ожидал, что упоминание о нем провалится в черную дыру незнания, но я ошибся.

К моему изумлению, она развернулась и вернулась прямо ко мне.

– Вы сказали Пурфлит? – уточнила она. – Вы были в Пурфлите?

– Да. Я там был.

– Почему вы это сказали? Вы знаете Пурфлит?

– Я жил там какое-то время. Недолго. Пару недель, когда был на тренировочном курсе. Это не...

– Пурфлит – это то место, где стоял Карфакс! Дом графа Дракулы недалеко от Лондона!

– Я знаю роман, и я подумал...

– Вы знаете эту книгу? Я обожаю ее!

Все еще робея перед ее глянцевым фасадом, я подумал тогда, что она, вероятно, узнала о нем из книги, которую они собрались опубликовать, и попытался пошутить над этим.

Однако она была настроена серьезно.

Вскоре выяснилось, что она истинная поклонница романа Стокера, читала его несколько раз и неоднократно смотрела большинство экранизаций. Ранее в том же году она посетила Конвент Дракулы в Нью-Йорке и сказала, что может показать мне свои фото в вампирском плаще. Знание Пурфлита, малоизвестного портового городка на берегах Темзы, в самой унылой части Эссекса, сидело в ней глубоко, как и многие другие вещи, связанные с романом.

Она импульсивно показала мне браслет на своей руке, который я заметил, но не стал рассматривать.

– Я надела его сегодня вечером, – сказала она. – Обычно я не ношу его на работу.

На золотом ободке болталось несколько маленьких дисков и амулетов. Она показала мне некоторые из них. Скажу честно: я меньше всего ожидал увидеть нечто подобное на руке энергичного нью-йоркского публициста. На одном из дисков было крошечное эмалированное изображение Дракулы в исполнении Кристофера Ли. Другой был портретом Белы Лугоши. Третий был стилизован под готический замок, а один из амулетов имел форму полумесяца. И было еще несколько таких. Ее профессиональный фасад испарился. На самом деле она знала роман Стокера и множество деталей из него гораздо лучше, чем я сам, ведь я прочитал роман всего один раз, еще будучи подростком.

Этот совершенно неожиданный разговор продолжался еще пару минут. Затем она сказала:

– Нам нужно поговорить, но сейчас я должна работать. Оставайтесь там.

И она отправилась обрабатывать свою следующую жертву. Когда мероприятие закончилось, она позаботилась о том, чтобы мы ушли вместе. Затем отвела меня в бар на Третьей авеню, и именно там, пока мы до самой поздней ночи пили вино, она показала мне на своем ноутбуке снимки с конвента: мертвенно-белый макияж, густые тени для век и толстый слой блеска для губ, черный парик и длинное, облегающее, переливающееся на свету платье, которое она сшила сама. Это были далеко не все факты, характеризующие ее, но вполне достаточно, чтобы навсегда разнести вдребезги тот отполированный профессиональный образ, который я видел в первые пару минут.

Был другой вид тьмы

Когда мы познакомились, Лил было тридцать. Она повидала мир, говорила по-французски, по-испански и немного по-немецки. Она состояла в двух разных женских группах, и когда ей было двадцать два года, ее даже ненадолго арестовали за участие в демонстрации. Она любила спорт и активно болела за «Нью-Йорк Метс», четыре дня в неделю посещала спортзал, любила театр и кино, читала книги. По ее словам, не те книги, которые обычно издавала ее компания, хотя дома у нее их было немало. Обожала готическую фантастику, фэнтези, некоторые биографии, новеллизации фильмов. В общем, ничего необычного, кроме вампиров, да и вообще, они не имели особого значения.

Главная проблема возникла, когда я увидел ее во второй раз. Это случилось на следующий день, я все еще оставался в Нью-Йорк, но через пару дней должен был улетать домой, и до моего отлета мы с Лил хотели провести как можно больше времени вместе. Мы совершенно не знали друг друга, но уже строили предварительные планы: когда я смогу вернуться в Нью-Йорк, сможет ли она когда-нибудь приехать в Лондон?

Она взяла меня на прогулку по Центральному парку: теплый день, туристы, бег трусцой, семьи на прогулке.

Я спросил о ее фамилии.

- Виклунд - это ведь скандинавская фамилия, не так ли?

- Шведская.

- Ты давно живешь в США?

- Я тут родилась. В Мичигане. Мои родители - американцы в третьем поколении. Виклунд - фамилия моего мужа.

Это лишило меня дара речи секунд на десять.

– Как я понимаю, фамилия твоего бывшего мужа? – уточнил я.

– Нет, мы все еще женаты.

Город, весь мир, казалось, замерли вокруг меня, пока до меня доходил смысл ее слов.

– Извини, – сказала она. – Хорошего способа сказать это просто нет. Думаю, тебе лучше узнать сейчас...

– Я знаю, что будет дальше. Вы разводитесь?

– Мы не живем вместе. Брак окончен. Развод состоится позже.

По мере того как ее история выступала наружу, парк и вся деятельность в нем временно ушли на второй план. Ее мужа звали Мартин Виклунд – шведское имя, полученное по наследству от шведских прабабушки и прадедушки, в молодости переехавших в США, но он был незамысловатым американцем.

(«Незамысловатость – это часть его проблемы. – сказал Лил. – Тонкость – не его сильная сторона»). Он работал на правительство на каком-то высоком уровне.

Она не уточнила, чем он занимался, сказала лишь, что он высокопоставленный чиновник, близкий к администрации Белого дома. Номинально Мартин числился в Министерстве обороны и работал в Пентагоне, в Вашингтоне, но много ездил по стране. По ее словам, он разруливал разные проблемы. Он был штатским, не военным, но общался со старшими офицерами и стратегами обороны. Лил мало что могла рассказать о его работе отчасти потому, что он не распространялся о ней, но главным образом потому, что с самого начала они были вынуждены проводить много времени порознь. У нее была своя жизнь, работа и круг друзей здесь, в Нью-Йорке. Раз в неделю они с Мартином ездили проведать друг друга, но так было только в самом начале отношений. По ее словам, с самого начала их брак балансировал на грани краха, но им обоим потребовалось много времени, чтобы это понять и принять. Они были женаты около трех лет – ужасная ошибка, по ее словам.

Я согласился.

Но, как говорится, дальше – больше. Детей у них не было, зато имелись проблемы с собственностью – кому, что и в какой степени принадлежит и как это будет разделено. Лил сказала, что квартира целиком и полностью принадлежит ей, но приобретена с банковской ссудой. Мартин оспорил это и потребовал половину стоимости. («Это куча бабла, – сказала она. – Стоимость недвижимости здесь заоблачная. Мне придется ее продать, а я не хочу».) Между тем было еще два объекта недвижимости, которые нужно было поделить или продать: квартира в округе Колумбия и дом в Лос-Анджелесе. Лил сказала, что ей они неинтересны и она хотела бы уйти от этого вопроса, как и он, но ее адвокат сказал, что она должна бороться за них, иначе рискует потерять все свое имущество. Таким образом, у них обоих было по адвокату, работавших на них и друг против друга, но ничего так и не было улажено, и ничего не будет улажено еще как минимум несколько недель, а возможно, и месяцев.

– Есть ли что-нибудь еще, что мне нужно знать о тебе? – спросил я.

– Мартин помешан на оружии, – призналась она. – Я же сказала, что он незамысловат... вот какой он. У него куча оружия. – В 2000 году я все еще был англичанином, гражданином страны, которая тогда была более или менее свободна от оружия. Я отреагировал предсказуемо и неоригинально. Она улыбнулась. – Мартин каждое лето ходит на охоту с коллегами по работе. Они ездят в разные чащи и пущи и убивают там животных. Но он не станет охотиться за тобой. Он считает себя хорошим парнем. Единственное, что с ним не так, так это я и то, что он женат на мне.

Через два дня я улетел обратно в Лондон. Я влюбился по уши. На той неделе у нас были гигантские счета за дорогие телефонные разговоры, а в следующие выходные я снова прилетел к ней.

На этот раз я заночевал в ее квартире.

– Мартин – государственный служащий, – сказала она и показала мне их совместные фото.

Мартин на всех фотографиях улыбался, выглядел воспитанным и относительно безобидным. У него были коротко стриженные волосы и чересчур белые и ровные зубы.

– У него два высших образования, – продолжила она. – Он работает на федеральное правительство, носит дорогие костюмы. Он вроде как важный, влиятельный администратор, контролирующий прорву федеральных расходов. У него есть личный шофер, который возит его в офис и обратно. У него есть помощники и консультанты. Он встречается с президентом... я была с ним на одном ужине по сбору средств, и меня представили президенту и первой леди страны. Он читает официальные газеты и смотрит кучу дурацких телепрограмм. Когда он дома, он сидит, развалившись в кресле. Вечером, приходя домой с работы, он выпивает один крепкий напиток, и все его друзья такие же, как он. Да, он любит оружие, но ведь это Америка!

Я ни разу не встречал и даже не видел Мартина, и по мере того, как я проводил все больше и больше времени с Лил, он, казалось, возникал между нами все реже и реже. Они с Лил часто разговаривали по телефону, но, когда я бывал с нею рядом, этого почти не случалось. По ее словам, их разговоры были долгими и порой трудными, но никогда на повышенных тонах. Они не могли прийти к соглашению по поводу дома, но оба были современными людьми, богатыми американцами. Обо всем этом позаботятся юристы. Адвокат Мартина был штатный юрист Министерства обороны. Адвокатом Лил была дама, приверженная принципам равноправия и самоопределения женщин в том, что касалось законов, собственности и карьеры. Да, это будет дорого.

Вскоре мы с Лил стали неразлучной парой. В то время я зарабатывал приличные деньги и имел возможность летать в Нью-Йорк каждые две или три недели, а когда на работе подвернулась вакансия, Лил решила ее занять. В дополнение к своей обычной работе Лил станет вице-президентом их европейского офиса по правам человека в Лондоне и будет ежемесячно совершать поездки в Великобританию. Это означало, что мы могли видеться в Лондоне регулярно, почти так же часто, как и в Нью-Йорке.

Черный пес

Во второй раз, когда Лил приехала ко мне в Лондон, я устроил для нее неожиданную поездку. Впереди у нас было четыре свободных дня, и я сказал ей, что хотел бы покатасть ее на машине и показать ей кое-что в Британии. Мы отправились на север и провели первую ночь в отеле в Хэрроугейте. Утром я

поехал на восток, пересек пустоши Северного Йоркшира – их верхние уровни уже были присыпаны снегом, – а затем спустился на викторианский приморский курорт Скарборо. После обеда мы направились на север вдоль побережья. Лил, державшая на коленях атлас дорог, внезапно оторвалась от карты и воскликнула:

– О боже, ты везешь меня в Уитби! Поверить не могу!

С момента нашей первой встречи мы нашли гораздо больше общих тем для разговора помимо почти одержимого интереса Лил к Дракуле, но теперь, когда наши первые бурные дни откровений и личных открытий остались позади, я подумал, что настала пора побаловать себя. В седьмой главе романа Стокера репортер газеты «Дейлиграф» – вымышленной газеты – описывает, как маленький рыбацкий порт Уитби в Северном Йоркшире стал местом внезапного сильного шторма. В самый его разгар появляется русская шхуна «Деметра». Несясь сквозь бурю на всех парусах, она налетает на песчаную отмель рядом с гаванью. На палубе стоит разлагающийся труп, привязанный к рулевому колесу. Когда корабль терпит крушение, на носу появляется огромная собака, она прыгает на берег и исчезает на кладбище близлежащей церкви. Этот пес – разумеется, сам граф Дракула в одном из своих обличей, что становится очевидным по мере продолжения романа.

Именно благодаря этой памятной сцене Уитби в наши дни стал своего рода Меккой для всевозможных поклонников вампирского фольклора и вытекающих из него разнообразных альтернативных верований. В город начали стекаться туристы, и не было ничего необычного в том, чтобы встретить на его улицах людей, бродящих в костюмах зомби или друидов, оборотней, волшебников, всяческих средневековых личностей, любителей черных месс и стим-панка, и многих других причудливых личностей. Каждый год в апреле и октябре в городе проводился Готический Уик-энд, а в другие выходные в летние месяцы проводились конвенты фанатов того или иного рода. Лил радовалась, как малый ребенок, что оказалась здесь.

Поскольку была зима, город не изобиловал туристами или гостями конвентов. Я нашел место для парковки на берегу реки, и мы отправились исследовать город пешком. Большая часть прогулки представляла собой напряженный подъем по знаменитым каменным ступеням утеса, числом сто девяносто девять, к разрушенному аббатству, возвышающемуся над Уитби. Поговаривали, что в древних руинах обитают привидения, но в любом случае они были настолько

зловещие и темные, что не нужен был никакой призрак, чтобы пробудить в душе отчаяние и дурные предчувствия. Пытаясь отдышаться, мы обошли развалины, после чего направились к северному ущелью, откуда открывался вид на устье реки Эск и широкая панорама Северного моря. Откуда-то со стороны Норвегии и России, замораживая наши лица и руки, дул ледяной ветер. Но Лил получала удовольствие!

Позже, когда мы вернулись к морю, гуляя по узким улочкам старой части города, наткнулись на мастерскую, где изготавливали из гагата, который добывался на побережье недалеко от городка, ювелирные украшения. Обрадованные возможности ненадолго укрыться от холодного ветра, мы вошли и долго рассматривали древние точильные камни, щеточные круги, полировальные станки, зубила и молотки, которыми пользовались каменных дел мастера в девятнадцатом веке. Украшения из полированного гагата какое-то время были писк моды в модных салонах и на светских мероприятиях. Это по-прежнему был прекрасный камень, хотя и вышедший из моды. Рядом с реконструкцией прошлого располагалась современная мастерская, в которой работали два молодых мастера.

Мы с Лил изучали разнообразие выставленных на обозрение украшений – кулоны, ожерелья, броши, серьги, браслеты и так далее, – с удовольствием разглядывая красивые и замысловатые творения их рук. Стоило Лил сказать, что она обожает гагат, как я решил претворить свой план в жизнь.

– Не могли бы вы сделать для меня что-нибудь уникальное? – спросил я у одного из мастеров.

– Зависит от того, сколько вы намерены потратить.

Я протянул ему лист бумаги, на котором заранее набросал грубый эскиз своей идеи, и добавил подробное описание, размер, дизайн и так далее. Внимательно посмотрев на листок, он показал его коллеге.

– Кажется, я знаю, чего вы хотите, – сказал он.

Охваченная любопытством, Лил потянулась вперед, в попытке увидеть, что я написал.

– Вы делали что-нибудь подобное раньше? – спросил я, когда мужчина храбро убрал листок подальше от ее любопытных глаз.

– Не совсем, но я знаю, что вы имеете в виду. – Он приветливо посмотрел на Лил и улыбнулся нам обоим. Затем назвал цену, и я согласился. – Я не могу сделать это сегодня, – сказал он. – Но завтра к обеду, думаю, мы сможем кое-что показать вам.

В любом случае мы с Лил собирались переночевать в Уитби, так что это не было проблемой. Не знаю, угадала ли она заранее, что я для нее запланировал, но как только мы снова вышли на улицу, она крепко взяла меня за руку и прошептала «спасибо».

На следующее утро мы поехали в залив Робин Гуда, в нескольких милях далее по побережью, и около часа гуляли по красивой деревне, после чего вернулись в Уитби.

Они уже ждали нас в мастерской и выложили украшение на шелковую подушечку, чтобы Лил могла его как следует рассмотреть. Это был амулет для ее браслета, с выгравированным рисунком и отполированный до блеска. Они вручили ей лупу, чтобы она рассмотрела все детали. Она склонилась над ним и внезапно рассмеялась. Я тоже наклонился – мне было любопытно, что они поняли из моих наставлений.

Они изготовили амулет почти точно таким, каким я его представлял и описал. Центральное место на крохотном обереге занимала голова огромной собаки: пасть открыта, клыки обнажены, уши стоят торчком. Позади, в дальней перспективе, чтобы подчеркнуть размер животного, виднелась его спина и намек на обрубок хвоста. Там же виднелся силуэт парусного корабля со сломанными мачтами, рваными парусами и пробоиной в корпусе. На обратной стороне было выгравировано: «Уитби, январь 2001 года». Это было чудо искусства миниатюры.

Лил сняла браслет и передала его мастеру. Тот быстро закрепил на нем амулет. Она надела его обратно на запястье, помахала рукой, любуясь новым амулетом, затем обняла меня, поцеловала и еще раз поблагодарила.

– А не хотите посмотреть другую версию этого же изображения? – сказал второй мастер. – В конце концов, нас здесь двое.

Они оба улыбались нам.

– Без дополнительной платы.

С этими словами он выложил на шелковую подушечку еще один полированный амулет. В лупу мы увидели зеркальное отражение той же картинки. На переднем плане доминировал затылок пса с чутко стоячими ушами, а далее открывался вид на утес Уитби и руины аббатства, над которым парил крошечный серпик луны. На обратной стороне также имелась гравированная надпись «Уитби, январь 2001 года».

– Ты должен купить его, Бен, – сказала Лил. – Можешь носить его на кольце для ключей.

– Нет, это же неидентичный близнец, как и ты. Он твой.

– Бен, но я хочу, чтобы он был у тебя!

Так он оказался на моем кольце для ключей, где и остается с тех пор.

Позже мы с ней объехали национальный парк Йоркшир-Дейлс, прокатились по Озерному краю и в конце концов вернулись в Лондон. Через два дня Лил улетела обратно в Нью-Йорк. Я планировал в течение месяца полететь туда следом за ней.

Глава четвертая

Тогда: 2001 г.

Начало

В то время, когда я познакомился с Лил, я считал себя англичанином, а в те дни быть англичанином означало быть британцем, а быть британцем – значит быть европейцем. Позже все это изменилось.

В качестве внештатного сотрудника я регулярно зарабатывал некоторую сумму, а также имел немало возможностей путешествовать, часто с возмещением расходов. На тот момент, когда я сблизился с Лил, у меня ни с кем не было постоянных отношений.

Я родился в 1966 году, в кирпичном таунхаусе на севере Лондона. У меня был младший брат, Сол.

Я ходил в местную начальную школу, затем в общеобразовательную школу Внутреннего Лондона. После медленного старта, поскольку лет до двенадцати я не воспринимал школу всерьез, я обнаружил в себе любовь к науке. Я обожал математику... я испытывал искреннюю радость, столкнувшись со сложной задачей, и глубокое удовлетворение от возможности ее решить. Когда мне было восемнадцать, я поступил в Сассекский университет, недалеко от Брайтона, и три года спустя получил диплом с отличием в области нейробиологии и когнитивных наук. Все это едва не было пущено псу под хвост, когда я отправился в длительную туристическую поездку по Центральной и Восточной Азии, которая завершилась великолепно расслабленным летом – с жарой, случайным сексом, ленью и запрещенными веществами на пляжном курорте в Квинсленде, Австралия. Вернувшись в Лондон, я дал себе зарок никогда больше не употреблять наркотики. Я был загорелым, умудренным жизнью, но без гроша в кармане, и мне позарез требовалось найти работу.

Журналистикой я начал заниматься более или менее случайно. Я нашел скромную должность помощника-стажера в лаборатории биохимических исследований. Полученное образование мне почти не пригодилось, но однажды моему боссу понадобился кто-то, кто составил бы описание одной из программ для оценки результатов тестов.

Я обнаружил, что могу неплохо выразить то, что нуждалось в выражении, что могу писать так, чтобы было понятно неспециалистам, и более того, мне это нравилось! Вскоре после этого я рискнул начать карьеру фрилансера и поначалу

в основном занимался написанием пресс-релизов для фармацевтической компании, с которой у меня был контакт.

Мое интервью с Кириллом Татаровым, взятое в 1996 году, было одним из первых реальных заказов, которые я получил от журнала, и после этого моя карьера журналиста резко пошла на подъем.

В конце 1990-х годов я несколько раз летал в Нью-Йорк, один раз в рамках отпуска, но чаще в командировку. Именно во время одной из этих поездок я и встретил Лил на мероприятии в ее издательстве, и после этого для меня все изменилось.

Планы путешествий, разрушенные разъездами

После нашей поездки в Уитби мы с Лил начали вести счастливый, но дорогостоящий образ жизни, постоянно болтали по телефону или летали друг к другу через Атлантику.

В конце лета мы знали, что это скоро изменится, потому что нам предстояла пара длительных перелетов на западное побережье, возможно, по отдельности или же вместе, если мы сможем совместить наши графики. Я прожил с Лил в ее квартире почти две недели, задыхался в провонявших бензином каменных ущельях нью-йоркских улиц, замерзал, превращаясь в ледышку, в магазинах с кондиционерами, в ресторанах, театрах и так далее. Поскольку было начало сентября, Лил нужно было провести некоторое время в их лондонском офисе, где ей предстояло заняться продажей авторских прав на несколько осенних новинок ее издателя. Предполагалось, что я полечу обратно в Лондон вместе с ней.

Но до этого требовалось решить проблему с ее мужем Мартином. Он был в Калифорнии, жил в их доме в Венис-Бич и сказал Лил, что хочет, чтобы она приехала туда встретиться с его адвокатом и подписать кое-какие бумаги. Он также хотел обсудить список имущества в доме, которое она считала своим.

– Разве это нельзя обсудить и согласовать по телефону? – удивился я. – Или по электронной почте? Это всего лишь список. Тебе не нужно видеть вещи, которые принадлежат тебе.

– Да, но Мартин не такой. Он всегда работает только лицом к лицу, в том числе и со мной. Эту привычку он перенял у штабных генералов. В любом случае у меня есть одежда в Калифорнии, и я хотела пересмотреть ее и выбрать то, что хочу сохранить. Есть кассеты, видео и книги. Много чего.

– Они все тебе нужны? В самом деле?

– Возможно. – Она подумала и добавила: – Наверное, нет. Вероятно, в конечном итоге я почти все отнесу в комиссионку.

– Он мог бы сделать это вместо тебя, – сказал я.

– Мог бы, но не сделает. Он хочет, чтобы я решила сама. Я посоветовала ему нанять пару-тройку уборщиков и отправить все, что не его, сюда. Но это тоже не сработает. Он хочет, чтобы я прилетела.

– И ты полетишь.

– Да.

– А ради чего тебе нужно встречаться с его адвокатом? Ты говорила мне, что Министерство обороны выделило юриста. Они ведь в Вашингтоне?

– Думаю, это как-то связано с законодательством Калифорнии. Для развода за пределами штата должен быть местный поверенный.

Лил с самого начала заверила меня, что Мартин исключен из ее жизни, нисколько не мешает нам, и это во многих отношениях было правдой. Мне никогда не приходилось его видеть, избегать или даже принимать его в расчет. Но, несмотря на это, он каким-то образом находил способы манипулировать Лил. Как это ему удавалось, я не понимал и не мог обсуждать с ней. Всякий раз, когда она разговаривала с ним по телефону или пару раз после встречи с ним, и часто после того, как мы вновь встречались после короткой разлуки, у нее случались

резкие перепады настроения, она бывала упрямой, уклончивой, что порой жутко раздражало.

Мы пару раз поссорились, и оба раза это было косвенно связано с постоянным присутствием Мартина в ее жизни. Я уговаривал ее как можно скорее завершить развод. Иногда она соглашалась, а иногда говорила, что с этим не стоит торопиться.

– Нам лучше подождать, – бывало, говорила она.

Или:

– Хорошо, я позвоню ему.

Или:

– Ты на меня давишь. Не делай этого!

Мы договорились: она улетит в Калифорнию и поскорее покончит с этой неопределенностью.

Мои возражения начали ослабевать, как только я услышал от Ника Хаттертона, лондонского редактора, о прорыве в исследованиях стволовых клеток в лаборатории Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Он сказал, что мне желательно слетать в Лос-Анджелес, чтобы встретиться с командой исследователей и написать статью о том, что они там делают. Все расходы будут оплачены. Я попросил номер в хорошем отеле, а также в дополнение к оплаченным билетам компенсацию расходов на питание и напитки. Я должен был вылететь из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, затем из Лос-Анджелеса в Лондон. Ник согласился.

Чего я не сказал Нику, так это того, что я уже планировал выполнить еще один заказ для журнала, который он, вероятно, счел бы конкурентом своего. Контракт или нет, но я все еще считал себя фрилансером, и всякий раз, когда возникала возможность, я принимал другие заказы и публиковал их под другим именем. Я делал это уже несколько лет. Я так и не выяснил, знал ли об этом Ник или кто-то еще из журнала. Даже если это и было известно, никто ничего мне не говорил и

никто не пытался мне помешать. Я знал других авторов, которые таким образом порой удваивали свою работу и свои доходы.

Другая халтурка предполагала поездку в Шарлотт, Северная Каролина, и две ночевки. Там теперь жил правительственный ученый на пенсии, некогда работавший в области освоения природных ресурсов. Звали его Барретт К. Дорнан, и он написал мемуары, которые через несколько месяцев должны были выйти в свет. Требовался материал о нем. Статья будет напечатана одновременно с книгой и, возможно, будет положена в основу телевизионного фильма о его исследованиях. Я слышал об этой халтурке от своих знакомых и очень хотел ее получить. Гонорар был весьма привлекательным.

Для Ника Хаттертона это не имело бы никакого принципиального значения. Он получит статью, которую хочет, а я потребую от него только фактические расходы, которые понесу во время поездки в Лос-Анджелес. Дополнительные расходы на поездку в Шарлотт легко перекроет гонорар за эту историю.

А вот Лил была разочарована и раздосадована, причем, на мой взгляд, совершенно иррационально. Изначально мы планировали, что она останется в Нью-Йорке, пока я слетаю в Шарлотт, а когда вернусь, мы вместе полетим в Лондон. Внезапная поездка в Калифорнию была неожиданной для нас обоих или, по крайней мере, для меня.

– Нам обоим нужно в Лос-Анджелес, – сказал я. – Мы полетим туда по отдельности, встретимся там, а потом вместе полетим в Лондон.

Это казалось простейшим решением, но Лил высказала свое мнение, и ее голос внезапно прозвучал уклончиво:

– Может, тебе слетать в Шарлотт, а потом вернуться сюда? Я полечу к Мартину одна.

– Ты не хочешь, чтобы я был рядом, когда ты будешь с ним? – сказал я. – В любом случае я уже купил билет из Шарлотта в Лос-Анджелес.

– Можешь его поменять.

– Это еще зачем? Ты же знаешь, мне нужно в Лос-Анджелес. В чем проблема, Лил? Почему вдруг мы не можем этого сделать?

– Никакой проблемы нет.

– А по-моему, есть. Дело в Мартине, верно? Ты просто не хочешь, чтобы я был рядом.

– Я не буду с ним.

– Это уже что-то.

– Мартин – не что-то. Он сидит на дорогой недвижимости, в которой я имею законную долю, и, по крайней мере, мне нужно быть с ним приветливой. Я приеду на побережье, вынесу из дома свои вещи, подпишу документы, которые ожидают моей подписи, и следующим рейсом вернусь в Нью-Йорк.

– Но к тому времени я буду в Лос-Анджелесе.

– Тогда слетай туда и возвращайся. Мы встретимся снова здесь.

– Почему я ни разу не встретился с Мартином? Что происходит, Лил? – спросил я.

– Тебе не нужно встречаться с ним, и я не хочу, чтобы ты с ним встречался. При одной только мысли об этом мне становится жутко. Для меня он сейчас – это сумма алиментов.

– Ты никогда не рассказывала ему обо мне, не так ли?

– Конечно нет.

Но, перед тем как она это сказала, возникла короткая пауза.

Возможно, она думала, что, если Мартин узнает, что у нее завелся любовник, это задержит развод или скажется на размере алиментов. Он наверняка знал: такая привлекательная женщина, как Лил, недолго останется одинокой после того,

как он уйдет из ее жизни... или это она уйдет от него? Я никогда толком не знал, что произошло между ними, и Лил обходила эту тему. Она сказала, как говорила мне не раз, что в Мартине нет ничего такого, что имело бы для нее значение, помимо того что ей нужно оформить развод и начать новую жизнь. Меня устраивало то, что мне не нужно иметь к этому большее отношение, чем я уже имел, хотя это и делало меня пассивным исполнителем их решений, лишенным возможности оказывать на них какое-то реальное влияние. Это было частью удобной модели наших отношений: я был счастлив с Лил, любил ее искренне и страстно, но лишь в контексте того, что мне была известна только половина ее жизни. Пока я это принимал, все шло хорошо.

Мартин оставался той частью ее жизни, куда меня не допускали. Его внезапное настойчивое требование, чтобы она вылетела в Лос-Анджелес по бессмысленному поручению, усугубленное собственным упрямством Лил, что она, мол, должна довести дело до конца, и, наконец, то, что я не должен принимать в этом участия, – все это вызывало на поверхность напряжение, которое обычно мы держали под спудом. Мартин по-прежнему имел над ней власть, хотя она это отрицала или преуменьшала. От этой мысли мне стало не по себе – я начал задаваться вопросом, насколько хорошо я ее знаю или понимаю ее прошлое.

Мы все еще пытались решить, что нам делать, хотя лично для меня было очевидно, что нам делать, но тут позвонил Мартин. Она вышла к телефону в соседней комнате и закрыла за собой дверь.

Звонок был коротким – она вернулась минут через пять.

– Мне нужно в Лос-Анджелес, – сказала она. – Он от меня не отстанет.

– Я думал, все уже решено.

– Когда ты собираешься быть в Шарлотте?

– Я лечу туда в воскресенье, на две ночи. Весь понедельник у меня займет интервью с этим парнем, а затем я вылетаю из Шарлотта в девять утра во вторник.

– Прямо в Лос-Анджелес?

- Я не смог купить билет на прямой рейс из Шарлотта. Придется полететь стыковочным, через Детройт, и сделать там пересадку. Но к вечеру я уже должен быть в Лос-Анджелесе

- Понятно, а теперь послушай меня. Мартин хочет, чтобы я была там не позднее вечера в понедельник. Ничего страшного, потому что ты прилетишь следующим вечером. Он сказал мне не лететь во вторник.

- Он сказал почему? Вторник – хороший день для внутренних рейсов. Всегда можно занять наилучшее место.

- У Мартина никогда не возникало проблем с удобными местами. Он говорит, что ему, возможно, придется вернуться в округ Колумбия, и хочет к тому времени разобраться с домом.

- Но если он летит в Вашингтон, почему бы тебе не встретиться с ним там?

- Он хочет, чтобы я приехала к нему домой в Венис-Бич.

- Так все-таки в чем там дело? Почему ты не должна лететь во вторник?

- Он не сказал.

Мы вернулись к нашему досадному сочетанию спора/согласия, в основном приняв один и тот же план поездки после этих выходных, но так и не придя к общему мнению относительно того, почему и как. Меня продолжало беспокоить то, что Мартин, якобы полностью ушедший из ее жизни, за исключением дел с юристами и взаиморасчетов, по-прежнему мог влиять на ее решения. Она пыталась меня успокоить, но явно меня не поняла. Она сказала, что нет ничего, чего я не знал бы о Мартине и о ней – того, что она все еще спала с ним? – но это лишь ярче высветило недопонимание, существовавшее между нами.

Позже в тот же день она забронировала билет в один конец из аэропорта имени Кеннеди в аэропорт Лос-Анджелеса. Из Нью-Йорка она вылетала ранним утром в понедельник и прилетала в Лос-Анджелес во второй половине дня. Мы договорились связаться друг с другом вскоре после того, как я приземлюсь во вторник днем, на моем стыковочном рейсе из Шарлотта через Детройт, и

встретиться позже, в среду или даже в четверг, в зависимости от того, как долго продлится моя работа и сколько времени у Лил займут ее дела с Мартином. Вскоре после этого мы встретимся и забронируем ночной рейс в Лондон.

Я прилетел в Шарлотт в воскресенье днем, поселился в отеле «Хилтон-Гарден Инн», в аэропорту, затем из номера позвонил Лил. Внезапно, к счастью, все снова вернулось в норму. Мне нравился звук ее голоса, ее смех, ее серьезность в отношении по-настоящему серьезных вопросов, ее легкомысленное отношение к несущественному, оригинальность ее ума. Мы проговорили больше часа, ничего особенного, просто разговор о том о сем.

День в Шарлотте, Северная Каролина

Посередине моего интервью с Барреттом Дорнаном, бывшим ученым на пенсии, мой мобильный телефон завибрировал, и на экране всплыл значок текстового сообщения. В 2001 году эсэмэски еще были непривычным явлением, особенно в моем кругу общения. Я не знал, как их отправлять, но Лил показала мне, что делать, чтобы прочесть входящую. Оглядываясь назад, я удивляюсь собственному странному невежеству. Теперь эсэмэска – банальная, заурядная вещь, но тогда это было не так, по крайней мере, для меня.

Я извинился перед мистером Дорнаном и вышел в его сад. Я нажал на кнопку, чтобы прочесть входящее сообщение, но солнечный свет был слишком ярким, и я ничего не увидел. По краю сада росли деревья, поэтому я пересек лужайку и встал в тени.

Я ПОМЕНЯЛА РЕЙС. СРОЧНЫЕ ДЕЛА В ВАШИНГТОНЕ. МАРТИН ТОЖЕ ЗДЕСЬ. ЛИЛ.

Я сразу же позвонил ей.

– Что случилось, Лил? Почему ты не прилетишь в Лос-Анджелес?

– Мы можем поговорить позже? – осторожно спросила она.

– Мне интересно, почему ты поменяла свои планы.

Вокруг нее слышался приглушенный фоновый шум.

- Ты в машине?

- Да.

- За рулем?

- Нет, Мартин забрал меня из аэропорта имени Даллеса. Давай я тебе перезвоню. Или напишу.

- Нет. Позвони мне, когда сможешь. Как можно скорее.

Я стоял и ждал еще минут пять, пытаюсь понять, что произошло. Что могло изменить ее планы? Она знала, что я прилечу в Лос-Анджелес, чтобы увидеть ее.

В конце концов я вернулся к мистеру Дорнани, в приятную прохладу его дома, где работал кондиционер, и попытался возобновить интервью. Он явно понял, что что-то отвлекло меня от того, о чем он говорил. Сказав, что принесет мне что-нибудь выпить, он ушел за холодным чаем. Как только он вышел из комнаты, я вытащил телефон и сам, без посторонней помощи разобрался с тем, как набрать и отправить текстовое сообщение.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? МАРТИН ТАМ? ПОЧЕМУ О-К? ДУМАЛ, ТЫ В Л-А. ПОЖАЛУЙСТА ПЕРЕЗВОНИ КАК МОЖНО СКОРЕЕ. БЕН

Я с великим трудом преодолел остальную часть интервью, уповав на то, что, оказавшись в своем офисе, смогу разобраться в том, что Дорнан говорил для записи. Неожиданное изменение планов Лил привело меня в замешательство. Когда накануне вечером мы разговаривали друг с другом, все было спокойно. Между нами было взаимопонимание. Мы даже строили планы остаться еще на пару дней в Лос-Анджелесе. У нас обоих имелись знакомые, к которым можно было заглянуть в гости.

Я держал телефон в кармане рубашки, чтобы не пропустить входящий звонок или сообщение. Но телефон молчал.

Примерно через час Дорнан оставил меня одного в своем кабинете с мягким ковром и темными стенными панелями, и я попытался позвонить ей еще раз. На этот раз звонок был переадресован на голосовую почту, поэтому я оставил сообщение.

Через пять минут: ПОГОВОРИМ ЭТИМ ВЕЧЕРОМ. ИЗВИНИ НЕ МОЯ ВИНА. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ЛИЛ.

Наконец интервью с Барреттом Дорнаном завершилось. Меня представили его жене Алисии, после чего я согласился совершить с ней краткую экскурсию по их великолепному огромному дому, восхищаясь европейским антиквариатом и картинами, а также коллекцией бабочек, которую Дорнан собирал на протяжении многих лет. Когда подъехала такси, чтобы отвезти меня в отель, я уехал, как я надеялся, без излишней спешки.

У меня было смутное, но настойчивое чувство по поводу Лил: мне казалось, что я неким образом теряю ее. Она вела себя так только тогда, когда рядом был Мартин, а здесь это повторялось снова. Как долго этот мужчина будет отягощать ее жизнь, а значит, и мою тоже? Почему она всегда преуменьшала влияние Мартина на нее, хотя их брак якобы распался, но было ясно, что он все еще имеет над ней какую-то власть?

Я решил подождать ее нового звонка. Наконец после того, как я поужинал в гриль-баре отеля, она позвонила. Я уже вернулся в свой номер, где сбросил с себя одежду, принял душ и растянулся на кровати в одном полотенце. Я старался скрыть облегчение в голосе, но накопившееся за день раздражение и усталость вынудили нас обоих не сразу перейти к сути дела. Наконец я успокоился.

– Я останусь сегодня в Вашингтоне, – сказала Лил. – Заночую в отеле «Марриотт», в аэропорту имени Даллеса. Сюда меня привез Мартин. Я вылетаю в Лос-Анджелес, как мы и планировали, завтра – приеду в дом в Венис-Бич, разберусь со своими вещами, а как только ты прилетишь, мы вместе проведем время в Лос-Анджелесе, и будем делать все, что в голову взбредет.

Это было более или менее то, что я хотел услышать, но вопросы по-прежнему оставались. Почему она передумала? Почему Мартин внезапно улетел обратно в Вашингтон и почему она полетела туда, чтобы встретиться с ним?

– У него там что-то случилось в офисе, и он должен обязательно быть там завтра, – пояснила она. – Ему срочно понадобились бумаги, подписанные на поверенного, и он не хотел ждать. Он оплатил мой рейс сюда из Нью-Йорка и попросил одного из своих помощников поменять мой рейс в Лос-Анджелес на завтра. Я получаю повышение класса обслуживания.

– Значит, ты подписала бумаги и теперь можешь вылететь во вторник?

– Он сказал, что все будет в порядке.

– Почему он это сказал?

– Бен, я отказалась от попыток понять Мартина. Давай просто делать то, что мы с тобой хотим делать. Забудем его. Ладно?

Постепенно она успокоила меня, и мы еще немного поговорили. Однако дневное напряжение сказывалось на нас обоих, и мы рано пожелали друг другу спокойной ночи. Мы договорились поддерживать связь во время наших странствий на следующий день – звонки, если возможно, или эсэмэски, если позвонить не удастся. Повесив трубку, вскоре я уже лежал в постели и засыпал.

Утро вторника

Я проснулся рано, позавтракал в гриль-баре отеля и сел в маршрутный автобус до терминала. Первый самолет моего стыковочного рейса из Шарлотта в Лос-Анджелес до Детройта вылетал в девять утра. В автобусе я попытался позвонить Лил, но она не отвечала. Я не стал оставлять сообщения на ее голосовой почте.

Когда я входил в терминал, телефон в моем кармане завибрировал, поэтому я шагнул в сторону и прочитал то, что она мне прислала:

ПРИВЕТ. ВСЕ ОК. НО ОНИ ПОМЕНЯЛИ ВЫХОД НА 26. САМАЯ ДЛИННАЯ ПРОГУЛКА ПО АЭРОПОРТУ! НО СЕЙЧАС ЖДУ ВЫХОДА НА ПОСАДКУ. УВИДИМСЯ ВЕЧЕРОМ. ЛЮБЛЮ ЛИЛ.

Мой собственный выход на посадку уже загорелся на табло: «Северо-Западные авиалинии», рейс № 1757, беспересадочный до Детройта. Судя по объявлению, посадка уже началась. Я отправил Лил короткое текстовое подтверждение и поспешил туда.

Я с облегчением увидел, что пассажиров, ожидающих посадку, было немного. Мне никогда не нравилось летать в переполненном самолете. Я вместе со всеми двинулся вперед. Место, которое мне выделили при регистрации, оказалось рядом с окном в задней части салона, но, заняв его, я обнаружил, что места для ног почти не было. Я высокий, хотя и не слишком, и мне часто бывает тесно в самолетах. Полет в Детройт займет пару часов.

Когда большинство пассажиров заняли свои места, я подзвал одну из бортпроводниц и спросил, могу ли я поменяться с кем-то местами.

– В передней части салона есть незанятые места, – сказала она. – Пойдемте за мной.

Два передних ряда были полностью свободны, поэтому я занял одно из мест в первом ряду. Теперь я мог с удовольствием вытянуть ноги.

Прямо передо мной была приоткрыта дверь в кабину пилотов. Мне было видно, как капитан и его помощник сидят бок о бок в своих белых рубашках с погонами и в наушниках, проводя предполетную проверку; как они протягивают руку, проверяя положение тех или иных переключателей, показания приборов и так далее. Я наблюдал с интересом. Мне еще ни разу не доводилось сидеть так близко к кабине экипажа, и я был впечатлен той тщательностью, с какой они выполняли техническую процедуру, которую, должно быть, повторяли уже сотню раз.

Я взглянул на часы. Было около девяти утра, и мы уже должны были вырывать от телетрапа.

Рейс № 1757 «Северо-Западных авиалиний»

Внезапно прозвучало объявление, сделанное одной из бортпроводниц, она извинилась за небольшую задержку вылета. Некий пассажир опоздал на регистрацию и в данный момент проходил личный досмотр.

Как и все объявления, сделанные бортпроводницей, это звучало как обычная задержка, что, вероятно, так и было.

– Ждать осталось не больше пары минут, – сказала она. – Мы скоро взлетим, после чего, как только капитан отключит табло «пристегнуть ремни безопасности», вам будут предложены напитки и закуски. Устраивайтесь поудобнее и наслаждайтесь полетом.

Мое место было рядом с главной дверью салона, к которой вел посадочный трап. Внезапно я услышал голоса, а затем появился довольно молодой мужчина, нетвердой походкой бредущий к самолету. Через его плечо был переброшен рюкзак. Это был дюжий парень, высокий и широкоплечий. Его живот выпирал из-под свободной гавайской рубашки, ниже которой торчали широченные шорты. Он был загорелым, весь в цепях и пирсинге, на шее висели наушники. Его прическа представляла собой спутанный ворох светлых кудрей.

– Мы все еще собираемся вылететь вовремя? – спросил он, протягивая стюардессе у двери посадочный талон. У него был сильный австралийский акцент, который ненадолго напомнил мне о моей прошлой жизни. – Никаких задержек?

– Мы сейчас запустим двигатели, сэр. Будьте добры занять свое место...

– Разве вы не слышали, что случилось? Боже мой, это невероятно! Я только что видел это по телевизору, у выхода на посадку. Вы не поверите – в одну из башен Всемирного торгового центра врезался самолет! Seriously!

Восходящая интонация звучала как вопрос, но это не было вопросом. Стюардесса ничего не сказала, но я увидел, что она резко повернула голову в сторону открытой двери пилотской кабины.

Услышав это, первый пилот оглянулся на нее, затем повернулся к капитану. Один из них закрыл дверь. Другие пассажиры тоже услышали, что сказал австралиец.

– Ага, я прочел это в новостной ленте! – крикнул кто-то.

Я повернулся на своем сиденье и увидел, что двое из них наполовину привстали в тесном пространстве перед своими местами с мобильниками в руках.

– Это был легкий самолет? – спросил я у австралийца. – Или что-то побольше?

Каждое утро небеса над Нью-Йорком пересекали десятки небольших летательных аппаратов. Отслеживающие уличное движение и погоду самолеты радио- и телестанций, полицейские и пассажирские вертолеты, стрекоча винтами, зигзагами носились туда-сюда между небоскребами. Иногда я пытался представить себе невообразимое: что будет, если один из них случайно врежется в здание?

– Думаю, это был коммерческий авиалайнер. Во всяком случае, большой самолет.

Я оторопел.

– Что еще вам известно?

– Больше ничего, приятель. Я видел это всего несколько секунд, затем меня заставили подняться на борт.

Стюардесса легонько завела руку ему под локоть, подталкивая его от меня к его месту дальше по салону.

– Мы отруливаем от рукава, сэр.

Кто-то позади меня громко сказал:

– Это был самолет «Американских авиалиний». «Боинг-757». Пока не известно, был ли это несчастный случай.

Другая стюардесса подошла к двери салона, захлопнула ее и заперла. Она коротко поговорила по внутренней связи, проверила, плотно ли закрыта дверь кабины экипажа, и прошла по салону. Через несколько секунд самолет

отъехал от стоянки, а затем запустились двигатели. Мы покатали к главной взлетно-посадочной полосе. Стюардессы тем временем проверяли, пристегнуты ли на пассажирах ремни безопасности, приведены ли спинки сидений в вертикальное положение. Затем, как то положено, выполнили стандартную процедуру, проинформировав пассажиров о том, что делать в случае чрезвычайной ситуации: как надеть кислородную маску и спасательный жилет, где в салоне располагались выходы. Все как всегда. Ничто не отличалось от обычного полета, выполнялись все знакомые процедуры, и самолет готовился ко взлету.

Через несколько минут мы вылетали из Шарлотта, держа курс в Детройт.

То, что случилось с башнями-близнецами в Нью-Йорке утром 11 сентября 2001 года, и то, что случится чуть позже с Пентагоном в Вашингтоне, теперь настолько хорошо всем знакомо, что эти события едва ли нуждаются в описании. Все, кому в то время было больше шести лет, до сих пор отлично помнят, что они видели и пережили по телевизору в то кошмарное утро, когда три пассажирских самолета внутренних авиарейсов были угнаны и протаранили Всемирный торговый центр и Пентагон.

То, что пережил в то утро я, происходило в основном в моей голове. Рядом со мной или сразу за мной не сидело никаких других пассажиров. Никого из бортпроводниц не было видно. Я смотрел на глухую стену передней переборки салона и закрытую дверь кабины экипажа. Я чувствовал себя оторванным от всех, подавленным, мои мысли были полны страха и тревоги.

Когда вы летите сами или когда летит кто-то, кого вы любите, внезапные новости о воздушной катастрофе ужасают. Вы мгновенно стремитесь узнать о ней больше, начинаете переключать новостные каналы, телевизионные сводки, но это досужее любопытство, попытка преодолеть пугающую мысль о том, что в числе жертв могут оказаться ваши близкие. На самом же деле вероятность того, что вы знаете кого-то, кто стал жертвой угона самолета или авиакатастрофы, бесконечно мала. Но вы все равно тревожитесь, все равно испытываете навязчивую потребность узнать факты.

Я чувствовал себя совершенно одиноким. Вылетев из Шарлотты, самолет «Северо-Западных авиалиний» ненадолго угодил в зону турбулентности тонкого облачного слоя. Затем, как только втянулись закрылки, а двигатели после взлета сбросили обороты, полет стал более плавным. Я изо всех сил пытался

осмыслить услышанное. Я и понятия не имел о гораздо более масштабных событиях, которые в тот момент люди по всему миру видели на экранах телевизоров. Все, что я слышал, – это что самолет врезался в Нью-Йорке в какое-то здание.

Все во мне было сосредоточено на Лил. Кто-то позади меня крикнул, что это был самолет «Американских авиалиний». Неужели Лил в то утро летела рейсом АА? Она не упомянула, на рейс какой авиакомпании у нее билет. Я знал, что она летела из Вашингтона в Калифорнию... Зачем бы ей лететь через Нью-Йорк? Каждый день между побережьями совершалось множество прямых рейсов, десятки рейсов в это время утра. По логике вещей, волноваться мне не было причин. И тем не менее...

Мое сердце внезапно учащенно забилось, и я вытащил из кармана рубашки мобильный телефон. Он все еще был включен, потому что я забыл его выключить. Я нажал кнопку быстрого набора, но почти сразу же, как только телефон принял номер, раздался звук «нет сигнала». Я повторил попытку – результат тот же. На крошечном экране высветился маленький значок «х», что подтверждало отсутствие сигнала или Сети.

Как я выяснил позже, в 2001 году использование мобильных телефонов в самолетах было спорным вопросом. Авиакомпании установили общее правило, согласно которому запрещалось звонить, принимать звонки или отправлять текстовые сообщения, когда самолет находится в воздухе. Утверждалось, что это может негативно повлиять на навигационные приборы. На самом деле, как только самолет достигал высоты более десяти тысяч футов, было почти невозможно поймать устойчивый сигнал. Тогда я не знал об этом ограничении, но хорошо помню, как после того, как попытался связаться с Лил, я выглянул в иллюминатор сбоку от меня. Из-за утренней дымки земли не было видно. В любом случае мы, похоже, уже превысили эту высоту в первые две минуты после взлета.

Я поерзал по сиденью и расстегнул ремень безопасности. Затем встал, повернулся и посмотрел на ближайших ко мне пассажиров. У многих в руках были мобильные телефоны, но никто ни с кем не разговаривал. Они в ответ посмотрели на меня, как будто у меня была для них информация, поэтому я снова сел. Знак «пристегните ремни безопасности» все еще был включен. Я пристегнулся.

В основной части салона никого из бортпроводников не было видно. Дверь кабины пилотов оставалась закрытой. После угонов этого дня были приняты федеральные и международные законы, согласно которым дверь кабины пилотов должна быть надежно заперта сразу после того, как самолет получил разрешение на взлет, но в сентябре 2001 года большинство экипажей держали дверь кабины закрытой, но незапертой.

Борт продолжал полет, уверенно рассекая спокойный воздух. Все вроде было нормально, но в моей голове мельтешили ненормальные мысли. Думаю, большинство других пассажиров чувствовали то же самое. Я отчаянно пытался связаться с Лил, чтобы убедиться, что она в безопасности.

Затем я вспомнил про радиотелефон – передо мной на стене было крепление для трубки, но сам аппарат отсутствовал. Я проверил подлокотники своего кресла, тоже безрезультатно. Какое-то время на самолетах многих крупных авиакомпаний США имелись аппараты радиотелефонной связи, которые позволяли пассажирам общаться с людьми на земле. Но из-за ненадежного сигнала и высокой стоимости звонков они не получили широкого распространения. Большинство комплектов было снято.

Я снова попробовал свой мобильник, но сигнала по-прежнему не было. Стюардесса быстро прошла по проходу и открыла дверь кабины экипажа. На несколько секунд я смог заглянуть в кабину пилотов – стюардесса закрывала от меня капитана, пока говорила с ним, но первый пилот был мне хорошо виден. Он быстро двигался, пытаясь подключить или задействовать какой-то инструмент, расположенный слишком низко, чтобы я мог разглядеть, что это такое. У меня возникло ощущение срочной, целенаправленной деятельности, но не паники. Яркий свет неба слепил меня.

– Все в порядке? Что происходит? – спросил я у бортпроводницы, когда та закрыла дверь

– Пожалуйста, оставайтесь на своем месте, сэр, и пристегните ремень. Капитан скоро сделает сообщение.

Она поспешила прочь, но я слышал, как другие пассажиры позади меня тоже пытались привлечь ее внимание. Минут через пять в динамике раздался голос капитана. Он сразу перешел к делу:

– Народ, я знаю, что некоторые из вас слышали известие об инциденте в Нью-Йорке. Похоже, пара рейсов из Бостона угодила в переделку. Мы все еще ждем подробности, но ничего из того, что нам сообщили, не влияет на этот рейс. Мы продолжаем наш полет в Детройт, как и планировали. Тем не менее убедительная просьба всем оставаться на своих местах с пристегнутыми ремнями безопасности. Мы будем обновлять для вас информацию по мере ее поступления. Пока что мы планируем вовремя приземлиться в Детройте, примерно через полтора часа...

Самолеты прилетели из Бостона! Услышав это, я ощутил почти пьянящее облегчение.

Что бы ни случилось в Нью-Йорке, это не касается Лил. Ее самолет вылетел из Вашингтона, из аэропорта имени Даллеса. Мне страшно было представить, какова на самом деле «серьезная ситуация» для тех двух самолетов, но, по крайней мере, я знал, что Лил нет ни на одном из них.

Мой мобильный телефон оставался нем, но я продолжал сжимать его в руке.

Еще несколько минут полет продолжался в обычном режиме, но на сиденьях позади меня многие пассажиры начали громко разговаривать друг с другом. Я чувствовал себя отрезанным от них, и мне было трудно разобрать, о чем они говорят. Я смотрел в иллюминатор на пустое небо вокруг нас, пытаюсь представить или понять, что могло произойти в Нью-Йорке.

Внезапно звук двигателей самолета изменился, корпус тряхнуло, как будто мы сбрасывали скорость, готовясь идти на снижение. Резко заложило уши.

Затем снова заговорил капитан. Судя по тону, на сей раз это уже не было похоже на рядовую проблему:

– Дамы и господа, хочу сообщить, что нам приказано прервать наш рейс. Мы собираемся совершить посадку в Питсбурге. Скоро мы будем на земле. Просьба ко всем оставаться на своих местах и ждать дальнейших инструкций.

Самолет уже накренился, меняя курс. Солнечный свет падал в иллюминаторы под неожиданным углом.

Почему из-за авиакатастрофы в Нью-Йорке мы должны совершить экстренную посадку? Я впервые начал нервничать из-за того, что нахожусь в самолете. Неужели нам тоже грозит опасность? Что-то не так с этим самолетом? Иначе с какой стати нам совершать аварийную посадку?

Через несколько минут капитан снова вышел на связь, в третий и последний раз. Его голос звучал напряженно, и говорил он торопливо, почти глотая слова:

– Аэропорт Питсбурга сейчас закрыт из-за еще одной авиакатастрофы. Детройт тоже закрыт. Мы ищем альтернативный пункт назначения, который нам приказано выбрать как можно скорее. Воздушное пространство США закрыто для всех полетов. Мы попытаемся сесть в Колумбусе, штат Огайо. Оставайтесь на своих местах и держите ремень безопасности застегнутым. Ждите дополнительные инструкции. Бортпроводникам занять свои места.

Еще одна катастрофа? Рядом с Питсбургом?

Внезапно снова появился персонал. Бортпроводницы забежали туда-сюда по проходу, проверяя, все ли пассажиры пристегнуты и все ли незакрепленные предметы надежно закреплены. Затем они расселись по местам: две из них сели на откидные сиденья, лицом к салону, через проход от того места, где сидел я. Не глядя мне в глаза и ничего не говоря, обе пристегнулись. Самолет совершил несколько резких маневров, двигатели нарастили обороты, затем снова замедлились. Солнечные лучи продолжали скользить по салону, своеобразные свидетельства резких изменений, которые пилоты вносили в наш курс и высоту. В моем иллюминаторе попеременно мелькала земля, высокое небо и снова земля – мы летели низко.

Наконец самолет стабилизировался. Прильнув к иллюминатору, я увидел, что, хотя сейчас мы были на меньшей высоте, чем если бы выполняли полет в штатном режиме, мы летели ровно, следуя, как мне показалось, прямым курсом. Меня охватило какое-то нервное спокойствие. Через проход я увидел, что две женщины-бортпроводницы держатся за руки. Они опустили их вниз, спрятав в узком пространстве между телами. Обе смотрели прямо перед собой, по всей длине салона, демонстрируя профессиональные улыбки, но я сидел достаточно близко к ним и видел, как крепко они сжимают друг дружку за руки.

Около получаса мы летели низко и медленно. Напряжение не отпускало. Я был уверен, что с нашим самолетом вот-вот произойдет что-то ужасное. Остальные пассажиры молчали. Из кабины экипажа больше не поступило никаких объявлений, и никто из бортпроводниц не сдвинулся со своих мест. Я старался не думать о том, что может случиться с самолетом, пока мы пересекаем закрытое воздушное пространство. Что это значило? Если мы задержимся в воздухе чуть дольше, нас перехватят военные самолеты? Сколько топлива осталось в баках? Что, если Колумбус закроют до того, как мы долетим до него?

Я навязал себе ощущение квазинормальности, пытаюсь строить планы. Моим приоритетом оставалась Лил. Как только мы приземлимся, я смогу ей позвонить. Я представил, что ее самолет, как и мой, получит приказ совершить где-нибудь посадку. Как только мы с ней снова свяжемся, сможем принять собственные решения, как нам присоединиться друг к другу и как можно быстрее забронировать рейс из США. Я предположил, что временно запрещены полеты только внутри США, а международные рейсы выполняются в штатном режиме. Я надеялся, что в аэропорту, где мы должны приземлиться, Колумбусе или каком-то другом, в зависимости от того, что произойдет в следующие несколько минут, будет международный терминал, где можно забронировать рейс в Британию.

Самолет внезапно покачался, звук двигателя изменился, и у меня снова отложило уши. Теперь мы летели близко к земле: я видел дороги, фермы, кварталы жилых домов.

Самолет накренился влево, затем взял еще круче вправо. Казалось, мы полетели еще быстрее. Гул двигателей усилился, знакомое бывалым воздушным путешественникам ощущение, когда самолет заходит на взлетно-посадочную полосу. Я услышал скрежет выпущенных закрылков, громкое жужжание и два глухих удара, когда раскрылось и зафиксировалось шасси.

Мы летели уже довольно низко. Можно было разглядеть отдельные деревья, плоские крыши заводов, легковые и грузовые автомобили, движущиеся по широкой дороге. Мы пронеслись над ними к аэропорту, располагавшемуся где-то неподалеку. А чуть дальше были видны сверкающие башни города. Земля неслась под нами на бешеной скорости.

Мы пролетели над какими-то низкими зданиями и странными механизмами, которые нередко можно увидеть по периметру аэропорта, и я был мысленно готов к удару шасси о взлетно-посадочную полосу, когда гул двигателя снова

усилился. Весь корпус самолета вздрогнул и пугающе накренился. Мы были не более чем в пятидесяти футах от земли. Самолет резко поднялся выше, наклонился влево, и в иллюминаторе я увидел участки боковых взлетно-посадочных полос. Трава была ужасающе близко, многие самолеты уже стояли на земле. Затем, к моему ужасу, я понял, что мы на самом деле летим над крышей аэровокзала. Мы пронеслись над ней на высоте менее двадцати футов. Я успел заметить даже медленное вращение лопастей вентилятора!

Покачивая крыльями, самолет выровнялся, двигатели сбавили обороты, самолет вздрогнул. Каким-то чудом или, что более вероятно, благодаря блестящей летной технике пилотов мы совершили виражную и ухабистую посадку на второй взлетно-посадочной полосе. За моей спиной послышались ликующие возгласы пассажиров.

Мы вынуждены были приземлиться далеко от края взлетно-посадочной полосы, где обычно совершали посадку самолеты регулярных рейсов. Мы уже пронеслись почти вдоль ее половины. Резко включились тормоза, давая обратный ход, взревели двигатели. Самолет дернулся и покатился по взлетно-посадочной полосе, агрессивно сбрасывая скорость, чего за весь мой опыт полетов еще не случалось ни разу. Когда он наконец остановился, мы были на дальнем краю аэродрома. Как только двигатели заглохли, оживила система оповещения.

– Убедительная просьба к пассажирам оставаться на своих местах, пока не погаснет знак «пристегнуть ремни безопасности». Башня приказала нам ждать здесь, пока для нас не будет найдено место у выхода в терминал. Спасибо.

Долгое ожидание

Самолет застыл у периметра летного поля, и в салоне с каждой минутой становилось все жарче и неприятнее. Солнце нещадно палило. Двигатели были отключены, и без дополнительного источника питания вентиляция не работала. Я неоднократно пытался отправить сообщение или позвонить Лил, но безуспешно.

Сотовая связь была отключена или заблокирована – многие пассажиры жаловались на это. Я оставался сидеть на своем месте, правда, ремень расстегнул. Самолет больше никуда не летел. Внезапно дверь кабины пилотов открылась, и летный экипаж быстро зашагал по проходу. Они не проронили ни слова. Оба – сильные, крепкие парни, их глаза скрывали темные очки. Многие пассажиры проигнорировали распоряжение оставаться на местах и стали двигаться по салону. Пока оба пилота шли по проходу, их забрасывали вопросами. Мне хотелось похлопать им за их летное мастерство – они благополучно посадили самолет в чрезвычайных обстоятельствах. Но, как и все остальные, я хотел знать, что происходит, а у них наверняка было больше информации, чем у нас. Двое пилотов скрылись в задней части самолета, за ними последовали бортпроводники. Один из членов экипажа задернул занавеску.

Австралиец сидел в сторонке от других пассажиров. На нем были наушники, и он держал в руках портативную игровую консоль. Сотовая связь по-прежнему не работала. Внешне он был само спокойствие, похоже, единственный из нас, кого ничуть не волновало наше положение.

Между тем уже ходили самые невероятные слухи о том, что происходило в Нью-Йорке. Кто-то сказал, что там были взорваны бомбы, что там действовали вооруженные террористы, возможно даже, террорист-смертник. На самом же деле никто не мог знать больше, чем я сам. Мы услышали, как открылась и захлопнулась задняя дверь.

Какая-то женщина в задней части салона громко сказала, что видела, как увозили экипаж – их забрал грузовик с передвижным трапом.

Мы обливались потом и возмущались. Несколько человек воспользовались туалетом, у которого теперь не работал слив, и в салоне висел неприятный запах. Я все так же смотрел в окна, надеясь, что передвижной трап вернется, чтобы забрать нас, или приедет тягач, чтобы подтянуть нас к терминалу. Сотовая связь не работала. Это жутко раздражало часть пассажиров, они были в ярости от невозможности войти в Сеть.

Наконец за нами приехал грузовик с передвижным трапом. Еще через несколько минут вспышек возмущения и жалоб со стороны самых нервных пассажиров нам разрешили сесть в автобус. Некоторые из мужчин, проложив себе путь плечами, протолкнулись впереди всех.

Пока мы ехали к зданию аэровокзала, я поражаюсь тому, сколько самолетов стояло на приколе. Большие и маленькие, грузовые и пассажирские, все мыслимые крылатые машины США. Много бортов международных компаний, большинство которых я не узнал. Все выходы терминала были открыты, поэтому другие самолеты парковались свободно, в любом месте, какое только им удалось найти. Я вспомнил статью, которую читал несколько лет назад в одном из журналов, для которых я писал: в ней говорилось, что сейчас так много гражданских самолетов, что отрасль может успешно работать только тогда, пока большинство из них находятся в воздухе. До меня вдруг дошло: каждый аэропорт в Северной Америке сейчас забит севшими самолетами, и высказанные в той статье опасения у меня на глазах стали реальностью.

Как только мы вышли из автобуса и двинулись к терминалу, водитель резко развернулся и на огромной скорости покатил через летное поле обратно.

Терминал

У меня не было багажа, о котором стоило бы беспокоиться, потому что я всегда путешествую налегке, но нескольким другим пассажирам пришлось протискиваться к багажной ленте (зал был битком забит тысячами людей), где им предстояло долгое и томительное ожидание. К счастью, я был свободен от этого. В терминале царил хаос: никаких сотрудников службы безопасности или информации не было, поэтому я прошел через вестибюль напрямик туда, где висел огромный телеэкран. Там уже собралась толпа, во все глаза смотревшая на него.

Австралиец тоже был там – я видел его уже знакомую рослую фигуру, рюкзак лежал на полу у его ног. Я протиснулся сквозь толпу и встал рядом.

– Привет, – сказал я, как будто был знаком с ним сто лет.

– Привет, приятель, я видел тебя в самолете. Гляди, разве это не нечто?

Мы посмотрели на телеэкран. Кадры сопровождал комментарий, но из-за гула голосов в терминале ничего не было слышно. Картинки и титры говорили сами

за себя. Это был своего рода непрерывный монтаж кадров важнейших событий: самолеты таранят небоскребы и взрываются внутри зданий, наружу вырываются гигантские языки пламени, тщетные попытки спасения людей с земли, жуткие кадры оказавшихся в ловушке на верхних этажах несчастных, которые падали или совершали прыжок навстречу смерти, внезапное обрушение сначала одной башни, затем другой.

– Господи, они обе рухнули! – воскликнул австралиец. – Да этого просто быть не может!

Страшное зрелище повергло меня в шок. Даже толпа вокруг нас в терминале примолкла. Я подумал о людях, которые все еще были внутри, о пожарных, о полиции и машинах «Скорой помощи», сгрудившихся вокруг входов в здания. Это была беспрецедентная катастрофа, кошмарная, даже если бы обрушилось только одно здание, но два...

Ужас того, чему мы были свидетелями, лишил меня дара речи.

– Черт, мы только что увидели невозможное! – воскликнул австралиец. – Башни построены таким образом, чтобы выдержать столкновение с ними большого самолета.

– Но вы видели, что произошло! Самолеты с горючим...

– Этого недостаточно, чтобы их обрушить. Башни-близнецы были спроектированы с большим запасом прочности, все заложенные в расчеты коэффициенты были вдвое, а то и втрое выше обычных. Они не могут взять и вот так запросто рухнуть, осесть прямо вниз.

– Но мы видели, как это произошло, – повторил я, ничего не понимая. Пока я говорил, по телевизору повторно транслировали видео, на котором одна из башен на наших глазах оседала и рушилась, стальные колонны торчали с обеих сторон, а к земле устремлялось огромное облако обломков.

– Они падают, но это не обрушение. Это просто невозможно. Башни были построены так, чтобы выстоять, даже если в них врежется полностью заправленный топливом «Боинг 707».

Огромная пелена пыли застилала вид улицы и здания Нижнего Манхэттена.

- Вы говорите так, будто что-то об этом знаете, - заметил я.

- Я инженер-строитель, - сказал он. - Я работаю с архитекторами. Здания со стальным каркасом не могут обрушиться, это в принципе невозможно.

- Но огонь?..

- Без разницы. Никакое пламя, даже самой высокой температуры, не способно расплавить конструкционную сталь.

- А как насчет авиационного топлива?

- После первых нескольких секунд это мало что значило. Авиационное топливо сгорает слишком быстро, чтобы оказать какое-либо серьезное воздействие.

- Но это случилось! - Я махнул рукой в сторону телевизора. - Самолеты врезались в башни, повредили их, взорвались, устроили пожар.

- То, что вы видите, - это не обрушение, - сказал он. - Эти здания были взорваны. Это единственное объяснение. Кто-то, должно быть, заложил взрывчатку.

Я собрался было возразить, заявить, что это совершенно невероятно, но картинка на экране телевизора внезапно изменилась.

Еще одно здание было охвачено огнем, и клубы дыма растекались по голубому небу. В нижней части экрана красными буквами шли титры.

- Пентагон? - сказал я. - Они попали и в Пентагон?

- Этого я не знал, - ответил австралиец. - Что еще, черт возьми, подверглось атаке?

Мы молча стояли в толпе, время от времени продвигаясь вперед, по мере того как другие люди покидали терминал.

Шли минуты. Телеканал продолжал повторять одни и те же кадры – самолеты врезаются в башни и те начинают обрушиваться. А вот кадров о том, что случилось с Пентагоном, не было, что мы оба заметили.

– Это место – одно из самых охраняемых в США, – заявил австралиец. – Но почему нет записей с камер видеонаблюдения? Это смешно. Рядом с федеральными зданиями просматривается каждый дюйм пространства. У них должны быть записи. Что они пытаются скрыть?

Я согласился, но мы больше не говорили об этом. Шок от увиденного блокировал нормальные мысли. Мы сосредоточились на том, что нам показывали. Еще больше людей говорили перед камерами, пытаясь объяснить, что произошло, и сделать эти нападения хотя бы отчасти понятными. Медленно продвигаясь вперед, мы узнали больше из того, что говорилось, чему способствовали субтитры.

Новостные станции опрашивали свидетелей. Большинство были обычными людьми – офисные работники, туристы, водители такси или автобусов. Все они или стали свидетелями случившегося с улицы или же находились на тот момент внутри зданий, но сумели выбраться наружу. Да, они были там, но не всегда соглашались с тем, что говорили все остальные, хотя все, по их словам, были в шоке, увидев, как самолеты таранят башни.

Несколько свидетелей категорично заявили репортерам, что слышали громкие взрывы еще до того, как в башню врезался первый самолет. Один даже заявил, что за несколько минут до того, как появился первый самолет, он услышал и почувствовал мощный взрыв в подвале одной из башен. Это подтвердил водитель «Скорой помощи», который ехал по срочному вызову во Всемирный торговый центр в восемь тридцать, более чем за четверть часа до нападения на Северную башню. Некоторые свидетели описали самолет как не имевший опознавательных знаков. Один утверждал, что он был серебристо-белый, без иллюминаторов. Полицейский сказал, что слышал несколько взрывов внутри башен, когда те рушились, – это подтвердили двое пожарных, один из которых был сбит с ног взрывом в вестибюле Северной башни, когда спасался бегством. Одно интервью взяли у начальника пожарной команды. Белый от пыли, запекшейся на его волосах, лице и одежде, он хрипло выкрикивал ответы с

улицы, где в окружении обломков и извивающихся пожарных шлангов стояли аварийно-спасательные машины, часть из них пострадала от упавших сверху обломков бетона. Он предупреждал о новых взрывах.

Политики выходили вперед, чтобы выразить свое соболезнование, ужас или принести людям слова утешения. С заявлением выступил вице-президент, поскольку сам президент Буш в тот момент возвращался президентским бортом из Флориды. Мэр Нью-Йорка. Сенатор. Еще один сенатор. Эксперт по строительству. Эксперт по терроризму. Эксперт по взрывчатым веществам. Эксперт по полетам. Представитель «Американских авиалиний» и еще один – сотрудник «Юнайтед Эйрлайнз», двух компаний, чьи самолеты были угнаны.

Картинка постоянно менялась, репортажи в прямом эфире из студии или с улиц перемежались записями предыдущих атак. Свидетели на улице, офисные работники, которым удалось спастись бегством, родственники и друзья пропавших без вести. Бесконечные повторы леденящих кровь кадров. Все люди, которых мы видели, были в истерике, некоторые плакали, многие растеряны, другие возмущены и взывали к мести.

Большая часть того, что мы видели, было репортажами о Нью-Йорке. Кадров о крушении самолета над Пентагоном в Вашингтоне пока не было. Там продолжал полыхать огромный пожар, но операторов не подпускали близко, а значит, камеры не могли выхватить какие-либо детали. Крупных разрушений не было, как не было и видимых обломков самолета рядом со зданием.

– Это то, что вы видели, когда сели в самолет? – спросил я у австралийца. В тот момент на экране появился, как я теперь знал, ранний кадр, вскоре после начала этого ада: верхние этажи Северной башни пылали, и из них валили клубы дыма. Южная башня еще не пострадала. Обе все еще выглядели практически целыми, без намека на грядущие катастрофические обрушения.

– Тогда это показывали в прямом эфире, – сказал он и через несколько минут зашагал прочь.

Я был в Колумбусе, штат Огайо. Я не знал никого, кто жил в этом городе или даже где-то поблизости. Мне негде было остановиться, я очень быстро обнаружил, что все отели в радиусе двадцати миль забиты под завязку. Воздушное пространство оставалось закрытым, все рейсы временно отменены. Я

пытался взять напрокат машину, но ни одной свободной не осталось. Остаток дня я провел в аэропорту, пытаюсь найти номер в отеле, ел нездоровую пищу из киоска, а когда все было распродано, купил себе еды в торговом автомате. Каждые несколько минут я пытался дозвониться до Лил. В трубке стояла гробовая тишина, но я заметил, что некоторые другие люди вокруг меня вновь начали выходить на связь. Значит, недостижимым был не я, а Лил. Батарея в моем телефоне почти полностью разрядилась.

Примерно через час после посадки, пока я, по-прежнему стоя в толпе из нескольких сот человек, все еще смотрел на телеэкран в терминале, в моей голове начали складываться воедино все пугающие известия о рейсе AA 77. Борт вылетел из Вашингтона, из аэропорта имени Даллеса, в 8.20 утра и взял курс на Лос-Анджелес. Незадолго до девяти часов угонщики атаковали экипаж и проникли в кабину пилотов. Один из них взял управление на себя и развернул самолет обратно на Вашингтон. Сразу после девяти тридцати самолет на высокой скорости спикировал и на уровне земли врезался в западную часть Пентагона.

Хотя ее тело так и не было найдено или опознано среди руин и обломков, тогда или в последующие долгие и мучительные месяцы, я в конце концов пришел к выводу: Лил наверняка была в числе пассажиров этого самолета.

В ту ночь, когда я с трудом мог представить себе последствия этого дня, я урывками спал на полу терминала в Колумбусе, штат Огайо.

Глава пятая

Тогда: 2008–2009 гг.

Русская история

Весной 2008 года мне позвонил человек по имени Брайан Клермонт. Он представился продюсером фильмов и телепередач и предложил встретиться на следующий день за обедом в Лондоне. Он не уточнил, о чем пойдет речь, сказал лишь, что хотел бы обсудить идею фильма, возможно, художественного, возможно, телевизионного. Тема не подлежала разглашению, пока мы не встретимся и не обсудим кое-какие вещи. Конечно, это пробудило во мне любопытство, и я попросил его сказать мне хотя бы, что за фильм он имеет в виду и каким образом я могу участвовать в его создании.

– Я смотрел программу на четвертом канале, – сказал он. – Пару недель назад. Один из ночных научных фильмов о теории струн. Вы упоминались как автор сценария.

– Помощник главного сценариста, – сказал я. На самом деле все, что я сделал в этой программе, – это быстро заработал пару сотен фунтов, прочитав ее сценарий, чтобы проверить его на точность, и указал на пару незначительных ошибок. Просто один мой приятель, работавший в телевизионном агентстве по поиску талантов, в ответ на какую-то услугу вывел на меня продюсерскую команду. Однако Клермонту я этого не сказал.

– Тогда вы понимаете, о чем я, – сказал Брайан Клермонт.

– Вы хотите снять фильм о теории струн? – сказал я.

– Нет. Кое-что другое.

Мы договорились встретиться в ресторане недалеко от Сити-роуд, и я на следующий день поехал туда.

Клермонт был немолод, полноват, лысоват. Он громко говорил и пил много вина, но был серьезен и полностью сосредоточен на том, чего хотел. Несмотря на его слова о конфиденциальности, когда мы говорили с ним по телефону, я обнаружил, что разговаривать с ним легко. Его сопровождала молодая женщина, которую он представил как Жаклин, свою помощницу. Большую часть времени она молчала, внимательно слушая то, о чем говорили мы с Клермонтом, и делала пометки в блокноте. Насколько я помню, на протяжении всей встречи Жаклин не проронила ни слова. Она сидела, склонив голову над блокнотом. Она не пила алкоголь и взяла себе на обед простой салат из шпината. Мы с

Клермонтом заказали стейки.

После нескольких общих фраз я вкратце поведал ему о нескольких опубликованных мною статьях и профилях, а он, в свою очередь, описал телепрограммы, над которыми работал на протяжении многих лет, после чего подошел к делу.

– Меня интересует человек по фамилии Татаров, – сказал он. – Кирилл Татаров, русский математик, эмигрант, живущий в Нью-Йорке. Мне кажется, вы его знаете.

– Как бы вам сказать, – промямлил я, застигнутый врасплох. Я действительно знал Татарова, но, как и сам Клермонт, тоже был связан требованиями конфиденциальности. Я описал нашу встречу в Нью-Йорке, когда я брал у Татарова интервью в Институте Куранта, что не было великой тайной. – Я бы не стал утверждать, что хорошо его знаю, – осторожно добавил я.

– Но вы встречались с ним лично? Вы тогда писали о нем?

– Да.

– Что вам известно о том времени, когда он примерно на месяц исчез?

Так вот в чем дело! Я принялся энергично работать челюстями, как будто пытался разжевать очень жесткий кусок, и притворился, будто вспоминаю.

– Вы ведь знаете, о чем я говорю? – спросил Клермонт.

– Конечно. Что вас интересует?

Клермонт пустился в пространную историю о том, как он заключил контракт с независимой продюсерской компанией, работая поставщиком документальных фильмов о текущих событиях для Би-би-си, но что его контракт подходил к концу. Ожидалось некое щедрое вознаграждение, и он планировал вложить большую часть денег в свое дело и уже создал небольшую кинокомпанию. Ряд других разработчиков программ выразили желание присоединиться к нему, и он знал людей, которые готовы были вложиться в его проект. Все складывалось

удачно, но пока что в его штат входили только он сам и Жаклин.

Он вручил мне свою визитку. Брайан Джулиан Клермонт, директор компании «Теорем Фильм Инишиативс» со служебным адресом в Лондоне, WC2. Телефон, факс, электронная почта, веб-сайт, социальные сети.

– Как во все это вписывается Татаров? – поинтересовался я.

– Что вам известно об 11 сентября?

– Наверное, больше, чем мне хотелось бы. Но наверное, так думают многие люди. – Меня начал беспокоить вопрос, к чему он клонит. – А в чем дело?

– Татаров был к этому причастен. Неким образом – я так и не узнал, как именно и в какой степени. Но он наотрез отказался это обсуждать, отчего я подумал, что это повлияло на него больше, чем он готов признать. Место его работы недалеко от Граунд-Зиро[1 - Граунд-Зиро – участок в Нижнем Манхэттене, на котором до 11 сентября 2001 года располагался первоначальный комплекс зданий Всемирного торгового центра. – Примеч. пер.].

Может, все дело в этом. В любом случае в прошлом месяце я поехал в Нью-Йорк и встретился с ним. Он уже довольно стар, но его разум все еще остр, как лезвие бритвы. Если честно, он напугал меня. Он весьма впечатляет, но за ходом его мыслей сложно уследить. С вами тоже было так?

– Я журналист, пишущий на научные темы. Я справился.

– Он не стал рассказывать о том времени, когда исчез, не делился тем, что знает об 11 сентября. Он сказал, что в тот день был в Нью-Йорке, слышал, как пролетел первый самолет – за секунды до того, как тот врезался в Северную башню, но большую часть этого времени смотрел телевизор, как и все остальные. Честно говоря, поездка к нему оказалась пустой тратой времени. Но он вручил мне несколько журнальных вырезок, и в одной из них я увидел интервью, которое он дал вам.

– Это очень старое интервью, – сказал я. – Кажется, десятилетней давности?

- Что-то вроде того. А вы? У вас есть соображения насчет того, что он делал, когда исчез?

- Нет, - солгал я.

- Вы не знаете, где он был, с кем он был и чем занимался?

- Нет, - повторил я.

- У меня такое чувство, что вы что-то от меня утаиваете.

Вспомнив, что Клермонт предупреждал меня о том, что у нас будет конфиденциальная встреча, я подумал: в эту игру могут играть двое.

- Зависит от того, что вам нужно, - сказал я.

- Значит, вам известно больше, чем вы готовы признать.

Поняв, что мы сошлись в спарринге, я позволил ему немного поупражняться в нем. Первая бутылка вина быстро опустела, и Клермонт заказал другую. Жаклин попросила вторую бутылку минеральной воды. Мы с Клермонтом продолжали прощупывать друг друга на предмет того, что, собственно, известно собеседнику, не выдавая слишком много своей осведомленности.

Я провел с Татаровым несколько часов того времени, когда он исчез. Но он предупредил меня, что это дело секретное, что за ним зорко следят ЦРУ и ФБР, а также, вероятно, Агентство национальной безопасности и, возможно, Министерство иностранных дел Великобритании. Среди прочего предметом их обеспокоенности было его русское происхождение, и они опасались, что российские спецслужбы могут попытаться вернуть его в Россию. Сам Татаров явно считал это чем-то вроде шутки, но я тем не менее вынужден был подписать соглашение о конфиденциальности, чтобы удовлетворить требование правительства США.

На момент моей первой встречи с Клермонтом Кирилл Татаров был еще жив и здоров и, насколько я знал, пребывал в Нью-Йорке и работал в Институте Куранта. Я из благих намерений солгал Брайану Клермонту. Знания и мысли

Татарова по поводу 11 сентября стали главной причиной его опасений. Мои уста были запечатаны, ведь я обещал хранить молчание. Знал ли я, где находился Татаров, когда он, как казалось, исчез из остального мира? В том смысле, какой Клермонт имел в виду, задавая свой вопрос, да, я знал. Некоторое время я был с ним там. Но на более глубинном уровне, понятном только самому Татарову, я не имел ни малейшего представления о том, где он был – его способность к абстрактному мышлению, равно как его умение соединять на первый взгляд разрозненные концепции в связный аргумент были для меня полной загадкой. С кем он был? Люди вроде Татарова не нуждаются в обществе других людей, хотя кое-кто, в том числе математики-теоретики, действительно могли присутствовать. Что он делал? Когда я увидел его, он разговаривал, сидя в кресле, и пил довольно много мутной и неприятной на вкус воды. Здесь особо не о чем рассказывать. Мы разделили скромный обед. Он говорил много, гораздо больше, чем я ожидал.

Мне было интересно, что именно в истории Татарова привлекло внимание Клермонта. Какой фильм он задумал? Разумеется, не про 11 сентября, не сейчас, спустя столько лет. Если нет, то как он рассчитывал снять фильм для широкой аудитории (что, как я предположил, и было у него на уме) о человеке, который был интеллектуалом до мозга костей и занимался вещами, непонятными большинству обывателей, и ко всему, по «нормальным меркам», был социофобом?

Что уже было известно Клермонту? Что его интересовало? Может, он сам был математиком?

Мы еще несколько минут безрезультатно ходили вокруг да около. Наконец я не выдержал.

– Что вы хотите от меня? – спросил я в лоб.

– Мне нужен сценарий, и как можно скорее. Сначала мне понадобится набросок, чтобы знать, какие идеи у вас возникают, о чем вы думаете. Это должно быть что-то такое, что я могу показать другим, что-то, о чем мы можем поговорить, и еще лучше – использовать, чтобы собрать больше денег. Мы с вами заключим две сделки: сначала мы можем договориться, чтобы вы сделали набросок, а затем, когда все его посмотрят и если дело перейдет на следующий этап, я закажу первый черновой вариант сценария. Вы когда-нибудь раньше писали сценарии? У вас есть агент?

Наконец мы заговорили на знакомом мне языке и сразу перешли к практическим деталям. Жаклин все записывала.

Обычно я стараюсь никогда не соглашаться с суммой гонорара до того, как мой агент обсудит его со мной, но в процессе создания фильма возникал вопрос о дочерних компаниях – агент наверняка захочет знать, какие подводные камни это может повлечь за собой. Остальные вопросы требовали согласования. Я хотел знать, например, как скоро потребуется черновой набросок, чтобы успеть закончить или отложить другие мои заказы, которые уже были начаты. Объем материала также имеет значение – Клермонт пару раз сказал, что оставит его на мое усмотрение, но я уже знал об опасностях отправки заказчику работы, которая казалась ему или слишком короткой, или слишком длинной. Мы согласовали количество страниц, и я убедился, что Жаклин это записала.

Как только ключевые вопросы были улажены, Клермонт стал более откровенным. По его словам, ему нужен фильм об истории любви двух математиков. Ошарашенный столь противоречивым сочетанием, я попросил его повторить сказанное.

– История любви двух математиков, – повторил он.

Временное бегство Татарова от мира было попыткой примирения и воссоединения с великой любовью его жизни, женщиной из его прошлого, которая была отмечена некой загадочной проблемой, и приведшей к их разрыву. В настоящее время они оба зрелые люди и работают над одной и той же теоремой. Я вновь счел своим долгом вставить, что Татаров трудился над попыткой разрешить гипотезу, а не теорему.

– Какая разница? – сказал Клермонт. – Кто будет знать, кого это волнует?

В своем фильме он планировал снять в главной роли знаменитого актера по имени Тед Кэннери, или сэра Эдварда Кэннери, коим тот недавно стал. Сэр Эдвард сам предложил себя на роль Татарова. Он должен был сыграть в паре с одной из трех или четырех столь же выдающихся женщин-исполнительниц его собственного поколения. Какая из этих великих дам в конечном итоге получит роль, будет зависеть от многих факторов, и это еще не было решено, но меня это не касалось. Съемки будут проходить зимой на заснеженном роскошном гольф-курорте в Шотландском нагорье. Это тоже уже было решено. Мне не

нужно было беспокоиться о практических деталях.

Вот и все. Остальное предлагалось на мое усмотрение – что и как должно случиться, что будет в итоге, что киношный Татаров обнаружит, решит, узнает или чем поделится, – вот суть истории, которую мне предстояло написать.

– Кирилл Татаров в курсе, что вы собираетесь снять о нем фильм? – спросил я.

– К нему уже обратились.

– Он согласился?

– Над этим работает один мой человек в Нью-Йорке. Мы не видим в этом проблемы.

– Вы хотите сказать, что он не ответил.

– Пока нет.

Я подумал о «киношном Татарове». Еще когда мы с Клермонтом обсуждали это в ресторане, я решил, что Татарова нельзя называть своим именем. Большинство людей, которые пойдут посмотреть фильм, вспомнят инцидент, на котором тот основан, но лишь частично, весьма смутно. Они вряд ли узнают или вспомнят подробности, им будет все равно. Поскольку я встречал настоящего человека, который был не от мира сего – странный, абстрактный, порядочный, несомненный гений, по сути своей хороший и значимый человек, – мне казалось, что его следует как-то изолировать от попыток романтизировать эти несколько недель бегства от бесконечных мыслей, кружившихся вокруг гипотезы Пелерена. Поэтому Кирилл в моей голове вскоре стал «Сергеем», а перед тем, как я покинул ресторан, он уже носил фамилию «Калугин». Это в некотором смысле освободило меня от моих знаний о реальном человеке, и я уже с первых минут почувствовал, как начинает развиваться выдуманная история.

Это был первый акт художественного творчества, повлекший за собой многие другие.

Я понятия не имел, с какой стороны взяться за это дело, но поскольку сумма, предложенная мне Клермонтом, была весьма существенной, я в этом не признался. На самом деле я имел лишь смутное представление о том, что такое предварительный набросок сценария. Покинув Клермонта и Жаклин, я напрямик пошел в книжный магазин одного кинотеатра в Вест-Энде и купил книгу на эту тему. Увы, она не оправдала моих ожиданий. Позже я нашел несколько образцов таких набросков в Интернете и скачал те, которые фактически превратились в фильмы, те, о которых я помнил, что когда-то смотрел их. От них оказалось гораздо больше пользы.

Через месяц я отправил плод своих трудов Клермонту, ожидая немедленного ответа. Время в конце концов важно, сказал он мне, когда мы расстались. Прошло несколько недель, и я уже решил, что больше не получу от него известий, как вдруг обнаружил в электронной почте письмо с прикрепленным к нему файлом. Письмо было от Джеки (помощницы Клермонта за тем памятным обедом, но теперь сократившей свое имя).

Брайан, сообщила мне Джеки в электронном письме, был в восторге от моей истории. В ближайшем будущем они перейдут к следующему этапу. Тем временем у Брайана возникло несколько собственных идей. Он сделал пару-тройку примечаний и спрашивал, могу ли я взглянуть на них и включить их в свой черновик. Она отправила их в формате PDF. Я скачал их и распечатал.

Примечания состояли из присланного мною наброска с многочисленными пометками от руки. Первая из идей Брайана бросалась в глаза уже на первой странице: «Сергей» стал «Иваном».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Граунд-Зиро – участок в Нижнем Манхэттене, на котором до 11 сентября 2001 года располагался первоначальный комплекс зданий Всемирного торгового центра. – Примеч. пер.

Купить: https://tellnovel.com/prist_kristofer/amerikanskaya-istoriya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)